

Николай Бойков

БЕРЕГА И ВОЛНЫ

Возвращение к себе

Николай Бойков

Берега и волны

«Издательские решения»

Бойков Н.

Берега и волны / Н. Бойков — «Издательские решения»,

Перед вами книга человека, которому есть что сказать. Она написана моряком, потому — о возвращении. Мужчиной, потому — о женщинах. Современником — о людях, среди людей. Человеком, знающим цену каждому часу, прожитому на земле и на море. Значит — вдвойне. Он обладает талантом писать достоверно и зримо, просто и трогательно. Поэтому читатель становится участником событий. Перо автора заряжает энергией, хочется понять и искать тот исток, который питает человеческую душу.

© Бойков Н.

© Издательские решения

Содержание

От редактора	6
Хоспис, ласковые дни	7
Туманы-маны, трапы-кавалеры...	14
Воспоминание о доме	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Берега и волны
Возвращение к себе
Николай Бойков

© Николай Бойков, 2016

© Андрей Бойков, фотографии, 2016

Редактор Александра Быстрова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

Перед вами книга человека, которому есть, что сказать своему читателю.

Эта книга не первая в биографии Николая Бойкова – поэта, писателя, капитана дальнего плавания. За плечами автора богатая событиями жизнь. Он работал на судах отечественных и зарубежных компаний, в разных регионах (включая Арктику и Антарктику), на разных типах судов (танкерах, сухогрузах, научно-исследовательских). Участвовал во многих международных экспедициях, в том числе, опускался в подводных аппаратах на склоны подводных вулканов и дно Дунайского каньона. Работал в смешанных экипажах: с китайцами, греками, арабами и японцами, бразильцами и индусами, сомалийскими коммунистами, сенегальскими рыбаками. Попадал под обстрелы, морские и пиратские разбои. Сидел под дулами автоматов. Жил, смеялся, иногда договаривался. Но всегда возвращался домой – по «зеленому коридору и красному», с деньгами и без, с документами и без, обходя посты и кордоны Родины. Уходил на 4—6—8—12 месяцев. Встречал своих в разных углах мира, в отелях и на улицах, на причалах и в клетках. Возвращался с друзьями или один, с удачами или с потерями. Но возвращался. Всегда.

Всё это есть в его книгах.

Автору свойственна острота в постановке животрепещущих вопросов жизни. Его рассказы о тех, кто остался «за бортом отечественного флота», кто пытается сохранить в душе «традиции, школу, память» и выжить, буквально сберегая в себе улыбки и запахи родных берегов.

Прозу Н. Бойкова отличает неординарность героев и событий, выразительная языковая гамма, образность. Сюжеты и ситуации – современные, а слова и поступки героев – просты и человечны.

Автор любит песню и цитирует её устами своих героев, песня объединяет их.

За последнее время Н. Бойков написал не только эти произведения, но и пять пьес. Некоторые из них созданы по мотивам собственных рассказов. Это не просто попытка играть формой, искать более выразительное художественное воплощение – это «болезнь» материалом, желание найти своего читателя, который совпадет с автором и воспримет его мысли, его взгляды на отношения людей, события – как свои собственные.

В книгу «Берега и волны» включены произведения, написанные в 2015 году: пять рассказов, две киноповести – интересный опыт экспериментальной прозы.

Название сборника «Берега и волны» объединяет события и героев не географией места, а способностью выстроить мост: меж берегами, людьми и событиями. Мост – в пространстве и времени. Мост в мире людей.

Приятных минут вам, читатель!

Хоспис, ласковые дни

Рассказ

В комнате было темно. За окном капала роса на подоконник. Медленно. Чуть позванивал о стекло одинокий лист. Боб не спал уже третью ночь.

Он стал чувствовать вес своего тела, как перекормленная птица: ему было тяжело. Хотелось повернуться на другой бок, но не хотелось шевелиться. Хотелось вытянуть руку, но не было сил. Такое уже было однажды, когда он втянул себя в трубу торпедного аппарата и ждал выстрела. Окровавленный Эдька должен был нажать «пуск», чтобы выбросить Боба из раздавленной взрывом подводной лодки, а самому остаться в ней навсегда. Выстрел толкнул замёрзшее тело в холодную бездну Балтийского моря, бесконечного и безнадежного для одинокого пловца. Глубина выплюнула его на поверхность, как чужеродную массу. Надо было шевелиться и плыть, шевелиться и плыть. Было темно. Потом начался день. Потом пошёл дождь, он почувствовал его, потому что хотел пить. Потом он почувствовал песок – руками, лицом, телом. Он полз по песку как червь, боясь, что море и волны догонят его. Тело стало тяжелым – море ещё висело на нём тяжестью мокрой одежды и тянуло назад, в разбитое чрево торпедного отсека.

Он стал чувствовать вес своего тела и преодолевать его. Песок был холодным и острым. Берег поднимался вверх. Вода наполняла рыхлый след ползущего червя, упрямого и живого.

Прошло сорок лет. В наследство от морской службы у него неизлечимое заболевание с перспективой похоронного марша. А кто бывает излечим от смертельного укуса жизни? «Чем здоровее и длиннее жизнь, тем серьёзнее будут архангелы, которые придут за тобой!» – пошутил бы, наверное, Эдька, с улыбкой со дна моря. Тогда, на прощанье, поддерживая остатки безвольно раздавленной руки, он даже улыбнулся и просто сказал, что сейчас ему лень подниматься и лезть в аппарат:

– Жить надо там, где ты есть, дружище! – и добавил, – пусть эти слуги ада меня здесь поищут...

Возраст и названия болезней вытолкнули Боба на берег, как пробку из бутылки шампанского – с правом ношения морской формы и с почётом в благодарственной рамочке. «Благодарность морского ведомства – это ещё не эпитафия на могиле», – пробовал он смеяться. Ходить ему было трудно, но его исправно возили по новым местам: больницы, курорты, комнаты, в которых не было фотографий его семьи и жизни. А были ли они?

Теперь это был хоспис со странным названием «Ласковые дни».

Доктор, русский еврей из развалившегося Союза, был чем-то похож на Эдьку, возможно, это объясняло согласие Боба остаться, когда на вопрос утомлённой заботами дочери:

– Папа, ты согласен остаться здесь?

Он ответил словами Эдьки:

– Жить надо там, где ты есть.

Из окна комнаты было видно Северное море, дождливое или зелёное, с полосами пены или водорослей, или длинными рядами мелких бело-барашковых волн. Он не любил смотреть на море и опускал шторы. Широкая полоса прибрежного песка тревожила его, и он не ходил по берегу, боясь замёрзнуть.

Общение с русским доктором началось и закончилось двумя фразами:

– Я всю жизнь был натовским моряком и приближался к вам под балтийскими водами, готовый к действию, как торпеда, док.

– Вот мы и сблизилась. Дайте мне пощупать ваш пульс. Успокойтесь и нащупайте мой. Видите, когда вы не в подводной лодке, а я – не на прицеле у вас, мы совсем одинаковые. А все остальное – выдумки психов, военных и медицинских. Поверьте мне, офицер!

Терапия, как любил объяснять док, сводится к тому, что любая болезнь, а тем более – хроническая, это боязнь видеть себя не таким красивым, каким бывал ты прежде, белозубым и весёлым. Поэтому, говорил он, пациенты, особенно – женщины, должны избегать фото-фона молодых оболтусов, избегать общения с надменными родственниками – это, по его мнению, поможет не замечать своих физических отклонений, колясок и палочек, трясущихся рук и подбородков и почувствовать себя совершенно комфортно среди равных в ходьбе и зрении. «Суета жизни и громкие крики высасывают из вас соки желаний и покой скромных радостей, господа. Призывы луны и томление ласки – вот верные признаки равновесия и здоровья. Жить надо долго и счастливо», – говорил док.

Боб не очень доверял русским, потому что не понимал их поступков. Он запомнил мальчишку и девочку, которые нашли его на берегу. Русский мальчик что-то сказал ей, и она послушно легла рядом с подводником на холодный песок и стала прижиматься горячим маленьким тельцем. Он поверил её теплу и уснул. Проснулся он в русском госпитале и узнал, что эта девочка спасла его своим дыханием. «А мальчик? – спросил он. – Мальчик подорвался на mine, когда бежал сообщить о подводнике».

Больше он их не видел и не думал о них. Это было похоже на теорию доктора: если не видеть людей на ногах, можно поверить, что ты и родился в коляске. Если не знать русских, их можно пугануть торпедой как вороньё палкой.

С рассветом уходят сны и приходят мысли. Сколько ещё осталось? Доктор говорит: «Пульс у нас одинаков, а это значит, что мы оба больные или оба здоровые. Как вам больше нравится, офицер? Нравиться быть здоровым? Представьте, и мне тоже». И смеётся как Эдька, когда тот брал кружку пива рыжеватой рукой.

Боб уже сторожил хосписа и знает всех. Новички появляются редко. Возможно, причиной тому жёсткое правило доктора – никаких родственников и посторонних. Наверное, это оправдано. Во всяком случае, практика его теорию оправдывает. Первый раз, когда шумные богатые родственники приехали и прорвались к милому старичку из двенадцатого номера, любившему танцевать после ужина блюз со старушкой из пятого, все закончилось её слезами и выносом мебели и вещей покойного. Конечно, всё было сделано тайком от пациентов, но никто из них не спал в ту ужасную ночь.

Второй случай произошёл совсем недавно: команда телерепортеров пыталась устроить шоу-программу типа «кто есть кто?». Доктор вызвал полицию. Старушка из пятого оказалась принцессой, отказавшейся от наследства ради любви, но любовь, увы, не бывает вечной.

Нет реальных причин тревожить тех, кто выбрал себе покой и уединение. Бывают паломники веры, бывают паломники к докторам или знаменитостям, а бывают самодостаточные и скромные в выборе «жить там, где я есть».

Светаёт. Начинается утренний спектакль, когда бабушки в колясочках, одетые в белое и в шляпках, благосклонно кивают в ответ старичкам с тросточками:

– Доброе утро. Какая чудесная сегодня весна...

– Эта осень, мадам.

– Я же вижу, что это весна... Как хороши, как свежи были розы...

Большинство пациентов говорят на русском. Странно, они – русские немцы, их предки от времен Петра I жили в России, они сберегли язык Гёте и Шиллера в бесконечных лесах русских губерний и волостей, областей и районов, их подозревали и преследовали в периоды

войн, как потенциальных шпионов, но когда они – наконец-то! – вернулись на родину предков – они упрямо захотели говорить на русском. Почему?

Боб любил свой немецкий. Знал немного по-русски, ибо всю военную службу готовился воевать с ними. А с кем можно воевать, мечтая о достойном противнике? Французы сдались за одну неделю. Поляки открыли границу в один день. Японцы подобострастно боятся американцев за атомные приветы Хиросиме и Нагасаки. Американцы – вот нация силы. Вырезали коренной народ, как деревья перед большой стройкой. И на двести лет обеспечили себе медали защитников мира и демократии. Вот на чьей стороне надо воевать. Боб любил рассуждать о войне. Особенно, вечером, когда все собирались на веранде и пили чай с вареньем, по-русски. Почему русские так склонны ностальгировать по прошлому веку? Спектакль.

Вечером было хорошо. По телевизору показывали начало войны, где-то на Украине. Далеко. Все приятно заволновались, будто пошёл за окном долгожданный дождь. Дружно вспомнили яркие кадры телерепортажей войны на Фолклендах и «Бурю в пустыне» – грандиозный размах! «История мира – это история войн», – повторил Боб известную фразу, и все посмотрели на него с интересом и ожиданием продолжения. Он повернулся в кресле, чтобы его лучше видели: «Конечно, все знают, что Украина – это часть России. Я был на русском берегу и знаю: русских не понять никогда – они всегда стараются найти слова, чтобы уйти от боя, а это не по правилам «войны и мира». Война – движитель человечества. Война очищает кровь нации!

– Война поднимает со дна всю грязь и подонков, готовых унижать и убивать.

Странная незнакомка была похожа на атакующую птицу с острым клювом и пронзительными глазами. Боб не ожидал нападения и попробовал улыбнуться галантно:

– Кто вы, похожая на птицу? Я вас не знаю.

– Теперь я вас знаю: морской офицер в роли павлина. Нашли, перед кем распушить перья. Мне стыдно за наш флот.

– Простите, не совсем понимаю вас – причём здесь павлины и флот.

– Флот, может быть, и ни при чём, а ваше поклонение войне – как песня жареного павлина.

– Позвольте.

– Не позволю! Что вы знаете о войне? Вы – наблюдатель из перископа! Вы видели, как умирают дети?!

Он вдруг вспомнил мальчишку с девчонкой. Что мог сказать этот мальчик такого, что она легла рядом с незнакомым и чужим, возможно, врагом. Кого она согревала и хотела спасти, будто была уже взрослой для этого. Хорошо, что он сразу уснул, и ничего не случилось, кроме того, что он выжил. А она? Он не знал. Его это не интересовало.

– Простите, мадам. Но война – это всегда жертвы. А побеждает аристократия.

– Война – это ещё и уроки для последующих поколений. Аристократия уже поклонялась ефрейтору. Россия уже не раз освобождала Европу – от Наполеона, от Гитлера. Россия-СССР соединяла две разных Германии. Совсем недавно. Вам хочется отомстить ей за шаг к миру?

– Европа сама способна сохранить мир на своей территории.

– Как в Югославии?

– Вы не оттуда, моя птица мира? – он опять попробовал пошутить.

– Не гадайте.

– Вы с Украины?

– Не угадаете. Я из страны, которую разрушил такой же павлин, как и ваш ефрейтор с усиками. Я – русская немка в десятом поколении и горжусь этим, потому что мои предки ходили на русских эскадрах в Америку защитить признание Соединенных штатов. Вы знаете, что Россия остановила блокаду и ускорила признание США?

– Не знаю такого. Это русские сами придумали.

– Вам нечем гордиться. Вы – прятались под водой, зарывались в песок, теперь – спрятались здесь.

– А вы чем гордитесь?

– Я горжусь, что на поле под Бородино есть могилы с фамилией Миллер. Мой дед был у Врангеля, а его брат – брал Перекоп с красными. Оба – служили родине. Что вы знаете о России? Я – родилась за колючей проволокой, а стала завкафедрой в МГУ. Да, я уехала. Я – беженка в никуда. Зачем я здесь? Почему? Наверно, по той же причине, что и вы: я слишком хотела иметь родину, но испугалась политиков. Вы – такой же, как я, поверьте: возможно – патриот, наверно – глупый. Как извратилась жизнь, когда быть патриотом стало глупо! В этом мы одинаковы. В чем различие? Вы любите войну, потому что её не видели. А я люблю вечер, потому что так долго и радостно жду его целый день. Тихий вечер на веранде, когда пьют чай, смотрят восход луны и поют украинские и русские песни. А теперь там стреляют и мародёрствуют. Любая война – мерзость политиков и разгул подонков.

– Извините меня, господа и дамы. Мадам права: можно восторгаться военным строем, но нельзя расстрелять вечер. – Боб, кажется, был смущён.

– Это есть у кого-то из русских поэтов? – заметил пациент в очках.

– У Маяковского: «Лето и расстрелянный немцами вечер», – уточнила старушка в белом.

– Почему опять немцами?

– Не знаю, – старушка развела руками, беспомощно, – но так у Маяковского!

– Мадам, я должен реабилитироваться. Как мне это сделать? Помогите офицеру в летах. – Боб старался улыбаться, но глаз был прищурен, как на перископе. «Это – хорошая цель», – мелькнула шальная мысль из офицерской молодости.

– Позовите на помощь вашу маму. Она, наверняка, говорила вам что-то на память.

– Она говорила, что каждый взрослый – птенчик на руках матери. А ваша мама, что говорила вам?

– Говорила, что каждый человек, как птица, только не знает, что умеет летать.

Женщина в белом заплодировала и сказала: «Браво, как замечательно».

– Она была русская или немка? – спросил офицер.

– Она была мама. Я даже не знаю, родная ли? Такая была страна. Вам не понять. Простите.

– Господа! Господа, давайте что-нибудь петь. Родное. Тихое. Вместе.

– Давайте из Гёте! Нет, лучше Лермонтова: «Выхожу один я на доро-огу, предо мной кремнистый путь блестит... Ночь тиха, пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит-иит...».

Ночь. В окна барабанит дождь. Тело тяжёлое, как мокрый песок. Знобит, и левая нога наполнилась бегающими мурашками – онемела. До рассвета целая ночь. Он вспомнил Птицу и глаза женщины, потерявшей родину. Кто она здесь? Доктор называл себя, весь остальной персонал и всех пациентов – жильцами: «Живём мы здесь, и этим счастливы», – повторял он по утрам, улыбаясь и раскланиваясь. Было нечто домашнее и трогательное в его улыбке. Жильцы называли его «папик», меж собой, разумеется.

Боб попытался рассуждать логически, чтобы понять, кто она здесь?

– Она – не цель. Нет. Она... Она – птица, – сказал он вслух. И улыбнулся. Ему стало приятно. Он стал ждать рассвета, и это ожидание, кажется, было самым приятным ожиданием в его жизни. Он слушал шелест листа, залетевшего на подоконник ещё с вечера и зацепившегося там. Он видел скольжение капель по лунной стороне стекла. Он услышал первую птицу, когда она зашевелилась в гнезде на дереве и порхнула над кроной старого дуба. Боб встал и открыл окно. Боже! Какое утро! Как приятно шумит море, ровно и мерно смешав бег мелких волн

в один мощный гул, замирающий в дюнах. Он даже услышал, кажется, как шелестит песок, струйками осыпаясь в лунку. Две сосны на далеком взморье были дружны и подвижны, как два обнявшихся путника, и махали руками ветвей. Солнце было за спиной, на востоке, но от этого даль моря только выигрывала полнотой красок и света. Он вспомнил, что такое же светлое яркое море он видел далеко-далеко в детстве, когда проводил домой девочку и возвращался один. Под ногами скрипел песок, а над головою шумели сосны. Где это было? Когда? Далеко-далеко в детстве. Это совсем из другой жизни, Боб. Ты – молодеешь, что ли? Ему стало смешно и весело: «Да чёрт меня подери – как же её звали? Ирен? Марта? Инна!.. Как это хорошо – начать все сначала».

Док шёл ему навстречу и остановился:

– Офицер, вы сегодня улыбаетесь?

– Я теперь всегда улыбаюсь.

– Есть причина?

– Мне приснилась большая птица.

– Позвольте-позвольте. Не Инна ли?

– Ее зовут Инна?

– Так всегда начинается жизнь, Боб, пора! – Он загадочно улыбнулся и громко чихнул вдруг, торопливо прикрываясь носовым платком, извиняясь и кивая из стороны в сторону:

– Доброе утро, жильцы! Доброе утро, мадам Машенька! Какое замечательное утро, господа... Вот и чихнул, кстати. Будьте здоровы...

Она ждала его на веранде.

– Доброе утро.

– Доброе утро.

– Ты смущена?

– Ничуть.

– Ты опять похожа на птицу.

– Я знаю.

– Тебе говорили раньше?

– Мне никто так не говорил, кроме тебя. Ночь стёрла следы прежней жизни, как волна на песке.

– Была трудная жизнь?

– Я не помню сейчас, – она быстро взглянула на него и добавила, как признание, – помню что-то восторженно-юное, когда одноклассник протянул мне засыхающий жёлтый лист и коснулся руки, нечаянно – это касание стало казаться, со временем, важнее и больше, чем вся моя жизнь. Понимаешь?

– Как сегодняшняя ночь?

– Ночь? – она, показалась, подыгрывала ему, – луна была замечательная. До самого рассвета.

– Ты меня взбудоражила вчера. Я вспомнил слово «любовь», о котором давно забыл. А может, я и не знал его?..

– Я где-то читала: «Любовь должна быть исключительной или несчастной».

– Ты – исключительная!

– Я знала, что ты это скажешь. – Ей захотелось его поцеловать, но она только прижалась к нему плечиком и стремительно отстранилась.

– Я всю ночь тебя ждал. Мне трудно произносить это слово, будто орех грызть, – он попробовал улыбнуться, но слово «орех» помешало.

– Ты откровенен, – она улыбнулась.

– Под утро я вспомнил чьи-то строчки из юности: дружба – живёт долго и ровно, в этом ее надёжность.

- Дружба? Смешной! – Она потрепала его по голове. – Пойдём к морю, философ?
- Куда хочешь.
- Хочу к морю, – она рассмеялась с вызовом.
- Пойдём к морю.
- А почему загрустил?
- А я на кого похож? На павлина?
- Сегодня – ты просто мальчишечка. Мой. Тебя зовут Боб? Бобик?
- Бобиком меня называла сестра.
- А птенчиком?
- Птенчиком – мама. И песенку пела, про соню.
- Знаю. Я спою тебе ночью.
- Мама мне и спинку гладила.
- Знаю. Поглажу.
- Она протянула руку, и пальцы переплелись клювиками в гнёздышке.
- Ты долго ходил в море?
- Всю жизнь.
- Тонул? Горел? Убегал от акул?
- Один раз тонул. Друг спас, зарядив меня в торпедный аппарат и выпустив на поверхность.
- Я читала, что в таких случаях один – погибает.
- Друг Эдька – он остался моложе меня. Рассмеялся мне вслед, когда я влезал в трубу:
«Жить надо здесь! Здесь и сейчас!»
- Прости.
- Это нормально. Эдька не обиделся: он будет рад увидеть нас вместе.
- Это хорошо. А что с голосом? Было что-то другое? Неприятное? Вспомнил?
- Не понятное. Меня спасли двое детей, мальчик и девочка. Он что-то сказал ей, и она легла рядом со мной, прижимаясь и согревая меня дыханием и своим телом. Что он мог ей сказать?
- А ты разве не знаешь?
- Нет. Но догадываюсь.
- Все мы играли в войну. Он сказал, наверное, что она уже взрослая. А она так хотела.
- Подвига?
- Глупый. Каждая женщина с детства мечтает спасти мужчину.
- И спасает?
- И всю жизнь мы спасаем врагов.
- Это всё, что тебе досталось?
- У меня ещё много осталось. – Она рассмеялась и посмотрела на него с девчоночьим вызовом. – Я ещё не летала, как мама мне пела. А ты? Ты – летал?
- Он замотал головой, отрицая и улыбаясь виновато:
- Прости. Я был подводником.
- Подводник! Милый ты мой! Совсем маленький. Совсем мой Валетик.
- Какой Валетик?!
- Валет. В картах. А я-то гадала на короля. Потому-то тебя и не видела.
- Ты согласна менять короля на валета?
- Я согласна. Согласна. – Она кокетливо улыбнулась и ткнула головой ему в плечо. – Согласна-ая-яя! – Рассмеялась.
- И он рассмеялся:
- Ты знаешь, мне стало легко с тобой. Ты мне ночью приснилась, как огромная птица.
- Уродливая?

- Нет! Что ты, красивая!
- Красивая – это я. Верю. Сон вещей.
- Ты всегда говоришь смело?
- Нет. Это с тобой. Прорезало девочку говорить громко. – Тсс! – Прижала палец к губам. – Будем говорить тихо.
- Как птицы.
- И целоваться, касаясь клювиками.
- Смеёшься надо мной?
- Смеюсь! Смею и смеюсь! Что ты сделаешь? Что тебе запомнилось в море, как самое главное? Отвечай!
- Самое главное – не бояться взрослеть и уйти, а потому – сразу надо готовить себе замену. Кто-то заменит тебя, а ты станешь...
- Жильцом в хосписе? Валетом на взлёте?
- Кем-нибудь останусь.
- Не грусти. У женщин то же самое получается.
- Что – то же самое?
- Как у моряков. Мы не боимся стареть и готовить замену: из девочек – мам, из мам – бабушек... И всегда – улыбаться, радовать пирогами, вытирать попы и слёзы и гладить платьица-бантики. Мы всегда при параде и рады смене. «Старость меня дома не застанет», – была такая советская песня.
- Ты тоскуешь по той стране?
- Это была не страна – это был строй. Шучу. – И пропела опять весело: «Вместе весело шагать по просторам...»
- Молодец. Лихо ты меня в строй поставила. А я готовился воевать с вами.
- Мог бы меня убить.
- Прости.
- Эх, дедуля! Мальчишечка ты у меня: торпедный аппарат – товсь!
- Он вдруг сжал её руку и сказал тихо:
- Не надо торпедный аппарат. Что-то во мне сломалось, – он посмотрел на неё и вдруг добавил, – что-то сломалось во мне, а я – будто рад этому.
- Она поняла. Замолчала. Прижалась щекой и заплакала.
- Я теперь каждую минутку беречь буду. Поцелуй меня. Нежно. Не спеши. Я не уйду. Я не могу одна.
- Я знаю. Я тебе помогу. Этот песок – он такой тяжёлый. Я всю жизнь выползаю на него из воды. Давай, присядем. Хочешь, у самой воды. Близко. Хочешь, я умою тебя волной... Помоги мне.

Док смотрел на далёкий пляж. Две сосны паутинками веток. Две коляски как два комарика. Двое сблизились на краю песка. У самого моря. Ласково.

Здесь и сейчас.

Док держал себя за руку, будто слушал далекий пульс.

Туманы-маны, трапы-кавалеры... Рассказ

В одиннадцать привезли пиво.

Васька, шут гороховый, пока выгружал, выпил две бутылки и одну ещё прихватил с собой: «На футбо-ол!». Лицо его раскраснелось. Широкий губастый рот раскрылся четырехугольной улыбкой. Глаза бегали, подмигивая, лукаво и вольно, в такт появляющимся из кузова ящикам. Хотел даже задеть буфетчицу: «Э-ах, погуляли бы, Танечка!»... Да остановился: женщина она привлекательная, слов нет, но его пока на расстоянии держит. Так и покатил Вася на базу – в открытом кузове, с мечтательной улыбкой, бутылкой в специальном нагрудном кармане и руками, растопыренными словно для объятий.

Татьяна повозилась немного у стойки, второй раз протерла прилавок: делать-то там было нечего. Ждала. Потом выскочила к девушкам на кухню. Минут на десять, не больше. По очереди мерили Алкин костюм. Сама стояла в стороне, довольная впечатлением, и всем повторяла: «По дешёвке достался... Совсем новенький... Я говорю, дай померить...»

Вернулась в зал.

Двое мужчин уже поели и шли к выходу. Рыжеволосая мама в голубых джинсах снова кормила девочку кашей с минеральной водой. Бедная девочка – каждое утро каша и минеральная вода. А может болезнь? Девочка какая-то бледненькая. И очень тихая...

А его ещё не было. Иначе – подождал бы.

Татьяна посмотрела на его столик. Представила, как входит он в столовую, среднего роста, но плотный, как водолазы со «Спасателя», подходит к раздатчице, заказывает обед, стоит возле кассы. Идёт к столу и осторожно снимает с подноса тарелки. И все это время подглядывает за ней, пока, наконец, взгляды их встретятся – улыбается: «Здравствуйте, Танечка», – и хочется, чтобы он подошёл.

Иногда и подходит: «Танечка, дайте пачку сигарет, пожалуйста. Да, да, эти. Спасибо, что помните»... Она рада улыбнуться в ответ. Она знает немного мужчин. Иной, только выпьет и отворачивается, небрежно бросив деньги. Другой всё ловчит неприличное слово вставить, чтобы ей слышно было, и оглядывается на мужиков рядом – смеются ли...

Никогда не было у неё того чисто семейного резкого отношения к пьяным. До прихода в буфет она и сама полагала, что где-где, а здесь мужчины действительно делятся на две половины: трезвые и... другие. Но потом, всё более вживаясь в работу, она открыла для себя вдруг, что утомительно помнит каждое лицо. Начиналась игра, в которой у неё была своя, давно уже обозначенная кем-то роль. И день шёл за днём, но с утра и до вечера, месяцами, тянулся, замедляя или ускоряя темп, долгий, никому другому невидимый хоровод. Мимо. Лица повторялись, останавливались, возвращались снова или пропадали совсем. Иных хотелось окликнуть, приблизить. Но возможно ли окликнуть желание? Оно хрупко и неустойчиво, как на воде солнце.

А мысли убегали вперёд, подталкивая и торопя её. Она легко поддавалась, как ребёнок, будоража фантазию и изматывая себя, мечтала, последним усилием отползая от края, от пустоты, от тоски одиночества.

Вечер начнётся с приходом седого маленького человечка в очках. У него тонкие и спешащие пальцы, живущие совсем другой жизнью, будто помнят иные движения. Может быть, они ещё бегут по клавишам и сами себя слушают. Вилка в них – неуклюже и слабо подрагивает, совсем чужая. Тонкие светлые веки, полупрозрачные и усталые, тянутся книзу, овалом смешливых когда-то мешочков. Смешливых? За увеличенными линзами очков – убегающий взгляд: «Мы – не глаза, мы – не глаза». Он садится в углу и жуёт, стыдливо прикрывая рукой не семейный свой ужин: двойной рисовый гарнир без ничего. И долго сидит потом, прислу-

шиваясь то к одной, то к другой компании или глядя в одну точку. Уходит всегда незаметно, будто растворяясь в электрическом свете и мраке.

А есть просто здоровые крепкие мужики – моряки и грузчики. Зайдут, выпьют. Весело и легко, а иногда – много. Но себя соблюдают. Держатся: «Боцман, стоять!..» Уходя, попрошачются по очереди: «Танюша, до свиданья... Пиво свеженькое привезут – передай с Васькой... Сами почувствуем? Это точно – есть нюх ещё!.. Спокойной вахты, Танюша...». Рассмеются чему-то, теснясь у выхода. Останется какое-то облачко их присутствия, как это мужское «Спокойной вахты», от которого ей тепло.

С такими легко. У них крепкие семьи. И жёны их любят. И ладится у них на работе. А потянет тоска, он в столовку не побежит пить, пойдет к другу. Всегда кто-то рад им.

И грудь тяжелеет. Глупая баба... Душа не на месте. И не успокоиться ей. И рассудку своему верить не хочется.

Двенадцать. Самое обеденное время. Первые бегут к ней: «Танечка, пиво! Налей кружечку... Четыре и два с ветчиной... Танюша! Одну, пожалуйста... Шесть – свеженького... Пирожки, Таня...» Ее окружают голоса, руки, лица. Зал уже полон. Какое-то время она отстаёт, медлит, будто раскачиваясь ото сна. Но новые лица... Вот уже и она успевает улыбнуться, ответить, задержать взгляд. И время покатилося, побежало быстрее. У раздаточных очередь: «Леша, займи очередь-то... Девочки, очередь, очередь, девочки...» Звенит посуда. Кассовый аппарат тарыхтит. Грохнул поднос. Смех. И лица, и руки. Улыбки – беглые, жующие и глотающие. Она смотрит поверх голов. Отсчитывает сдачу. Подаёт бутерброды, улыбается и краснеет. И смотрит на часы.

В это время он уже здесь.

Задержался? А может, уехал? А может... Действительно, глупая. Ничего ведь не знаю: ни где он, ни кто он. Нафантазировала. Придумала. Дура я. Может, жулик какой? Ведь рассказывали девчонки... А сам – хоть бы слово сказал! Тихоня немой. Не твой, дурочка. А голос у него приятный. Спокойный.

Всё-таки она ждёт. Всё-таки не верит бабье её сердце, что просто так он на неё поглядывает. Приворожила парня-то. Но ненадолго, на долю секунды, проскользнёт в ней эта тайная радость и тает...

Ночами лежит она у себя в комнате и придумывает сны, которые ей не снятся. Единственное окно пронизывают полосы набегающего из темноты света. Скрипят тормоза. Замирают на стене голубые причудливые тени и ползут влево, и гаснут, уносясь за машинным гулом. И снова, часами не смыкая глаз, лежит, пытаясь угадать, разглядеть что-то в золотых вспыхивающих картинках. Но ничто не похоже.

Когда приходит Борис Львович – зав производством – все просто. «На каждой работе есть свои правила для молодых женщин, – успокаивала или уговаривала её старшая по возрасту. – Начинай, девочка. Всё-таки, не плохой...». С ним не надо придумывать. И не уснёшь. Хватает только на то, чтобы промолчать в ответ его приглушённому до шёпота «Соседей нет? Не замерзла, подстриженная?..» – уткнуться открытым ртом, чтобы не зареветь, в большое и рыхлое, совсем не мужское его плечо... Проснувшись, он долго прислушивается ко всем звукам за дверью. Продолжая прислушиваться, одевается. Вскользь, гладит её напряженное под одеялом тело. Не гладит – прощупывает.

Обед закончился. Она что-то придумывает, чтобы задержаться. Пять, десять, пятнадцать минут. Собирается. Так хотела, чтобы сегодня он появился. Подошёл и сказал: «Здравствуйте, Танюша...» – и посмотрел ей в глаза.

Не сложилось.

Домой ехали троллейбусом. Народу битком. Борис Львович, в вельветовом пиджаке с уголочком носового платка из кармана, не отлипал, жался рядом. Толпа прижимала её к нему. Она старалась держаться самостоятельно, но сегодня ей всё удавалось плохо. Хоть плачь.

– К тебе поедем? – Она услышала его запах и сжалась.

– Здравствуйте, Танюша... – раздалось совсем близко. Она дёрнулась вперёд, на голос. Но мешали чужие плечи. Спины. Вскинутые рукава, раскачивающие троллейбус. «Танюша...» – как волна возвратилось и подхватило её.

– Ты что? Знакомые? Где? – Борис опустил голову и прикрыл лицо ладонью. Осторожный.

Она пыталась заглянуть куда-то вперед. Увидела. Незнакомый мужчина что-то говорил сидящей на переднем сиденье девушке. «Не он», – успела подумать.

– Ты что? – переспросил Борис, вытирая платочком пот.

– Ничего. Показалось.

– Здесь никто не узнает?

– А я не боюсь.

Он посмотрел на неё удивленно, будто не узнавал.

– Я – не боюсь, – она повторила это с лёгким вызовом, и он весь напрягся, ожидая продолжения. Она повернулась к нему:

– Тесно. Мне руку прижали. Пусти.

– Пропустите, граждане! Мужчина с ребёночком... – ледоколом протискивался непонятно откуда появившийся Васька. Дурашливо смеялся и сыпал словами, как шелухой семечной: отфутболил под пивасик! Пропустите, дамы, Васю. Вася видит жизнь счастливой, потому что любит пиво! – и махал над головами недопитой бутылкой. Кто-то смеялся, а кто-то ругался, но рука с бутылкой двигалась:

– Не ругайтесь, дамочка – у меня для вас мечта: пригласите Васю в гости – я для дам находка просто! – Вокруг одобрительно загудели, проталкивая рекламу мечты и отодвигая Татьяну от пиджака с платочком. Она вдруг рванулась:

– Вася! Помоги!

– Где? Кто? Которая, дамочки? – Васька не видел её, увлеченный собой, настроением, смехом. Но он уже был и не нужен – она сама пробивалась к выходу.

Выскочила. Облегченно вздохнула полной грудью. За спиной прошумел, удаляясь, троллейбус. Она вдруг почувствовала чье-то присутствие и испуганно шагнула в сторону. Но «кто-то» уже подхватил ее под руку.

– Танюха!

– Фу, Васька! Как ты меня напугал.

– Напугал? Сама меня позвала ведь! А я – всегда... Как пионер! Куда идём?

– Ты меня извини, Вася. Я – сама. Не обижайся. Мне просто убежать надо было.

– От твоего толстого, что ли? Да, видел я его. Глаза – камбала. Чего ты за него зацепилась?

Будто мужиков нет?..

– А то есть?

– А я? – глаза его так и сияли в темноте, – и при полной бутылке пива, заметь!

«Сколько у него этих карманов, специальных? И где?» – успела подумать, но уже осмелела:

– Брось, Вася. Рождённый пить – в женщине не нуждается.

– Обижаешь. Это пивасик. Для тонуса. Для иммунитету. От спида. Ха-ха. Спид не спит, Танюха!

– Ладно. Посмеялись – хватит.

– Нет, слушай. – Он вдруг стал серьёзным и заговорил, как другой человек. – Слушай, Тань. Я давно к тебе приглядываюсь. Ты же красивая баба. Умная. И готовить умеешь. Чего ты жизнь гробишь? Тебе же ещё потолкаться надо, а ты, как клуша, в угол забила. Подумаешь – счастье: столовка полуподвальная.

– Зато столько людей за день...

– Тысяча мужиков и ни одного рыцаря? Глупая. Какой мужчина оценит женщину, разливающую пиво? У которого денег нет. Который «на шару» норовит, бесплатно. За пьяные глазки. Такого ждёшь? Это ещё повезло тебе, что не попалась на крючок. Или – попалась?

– Зачем ты так?

– А как? Сю-сю-сю? Жизнь жесткая! Расслабляться нельзя! Одна расслабилась – десять прокатились! Поняла, дурочка?

Она повернулась и пошла прочь. Но он догнал:

– Извини. Извини, Тань. Я не хотел тебя обидеть.

Она не отвечала, и он продолжал идти рядом и говорить:

– Я же только о работе. Ты на старших своих посмотри – кто рядом? Какие у них мужики? Какие – правила? Кем они становятся и с кем остаются в старости? Со столов прибирают? Из бутылок сливают? Стаканы вылизывают?

– Зачем ты так, Вася? Не все...

– Не все. Я согласен. Прости. Самому этих баб жалко. Я только про силы: это сколько же сил женщине надо, чтобы удержаться. Не спиться. Не опустить свою гордость, красоту не запачкать? Сколько?!

– А ты чего на эту работу пошёл? Пиво дармовое? Тоже – «шаровик», получается?

– Я же временно. Ты, разве, не знала? Я же – моряк в отпуске.

– Ты – моряк? С печки бряк? Не смешите меня. Бутылочник ты. Знаю я вас.

– Ты чего, Тань, не веришь? – Он так обиженно и беззащитно посмотрел на неё, что она сразу поверила. А поверив, вспомнила, что действительно – что-то говорили девчонки. И водолазы со «Спасателя» всегда о нём спрашивали. Он выглядел старше её года на четыре.

– А сколько тебе лет, Вася?

– Тридцать.

– Почему не женат?

– Так – море. – Он снова развёл руками и разувальбался широченной губастой улыбкой. – Море, Танюша.

Будто это всё объясняло. Но для неё это было совсем не понятно. А он продолжал:

– Я в отпуске всегда устраиваюсь на береговую работу. Размагнититься.

– Чего?

– Размагнититься. Среди женщин. И всё такое. Бокальчики-рюмочки. Фигурки точёные... – последнее пропел, полуобняв её, но ей это не было неприятно, она понимала игру:

– И губки медо-овые – я вас полюбил!..

– Я, кажется начинаю понимать. Проблемный? Знакомиться с женщинами не можешь, да?

– Ну, ты – Танюха – перископ, точно! Как ты догадалась?

– А как ты додумался?

– Так я!? – Он, казалось, обрадовался тому, что можно признаться и рассказать. – Ты точно – смышлёная! С моря приходим – времени в обрез! Кто-то – умеет: улыбнулся, познакомился, в гости пошёл. А я – не могу. Хоть на кладбище иди...

– Зачем?

– Знакомиться. Проверенный ход: там столько вдов – про себя забыли, на мужчину глаза поднять не решаются... Проблема! Сел рядышком – повздыхали молча, встали и пошли плечико к плечу. Но мне это рано ещё: когда под полтинник подкатит, тогда разовью манёвр. А сейчас я – на женское производство: подними – подгони! Там мужчина всегда востребован, знакомиться не надо: лампочку вкрутил, замочек смазал, педаль подрегулировал – сами зовут, сами благодарят...

– Сами пиво в карман кладут?

– Пиво – это я разбаловался. Виноват.

– Знает Васька, чьё сало съел?

– Какой уж есть.

– А то сейчас и не скажешь, что ты стеснительный...

– А чего стесняться: ты меня знаешь – я со своими свой! Я со своими – очень даже всем нужен. – Он легко перешёл на шуточный мотив, – со мною играли вы... Я себя погубил...

– Да ты артист, Вася?! Моряк, говоришь? Слушай, а где это море твоё?

– Шутишь? Рядом! – Он одной рукой тянул из кармана очередную бутылку, а другой – пытался показывать на горящий между домами отблеск ночной бухты. – Смотри, Танечка. Рейд. Это – рейд!

Он так это сказал, как выдохнул, будто тайну из себя выдавил, и отщелкнул большим пальцем колечко на горлышке. Из бутылки зашипела и ринулась пена, волной.

– Слышишь, как море... – И он припал к этой волне губами.

Она хотела сказать что-то язвительное, но, вдруг увидела его совсем другим – беззащитным и искренним. Улыбнулась. И стала воспринимать разговор с долей серьёзности.

– Вася, а как на море попасть?

– Вот! – Он с удовольствием глотнул из бутылки, и ответил:

– Задумалась? Правильно! На море мужики – во!

– Как ты?.. Не обижайся.

– Женщине – прощаю. Тем более, красивой. Хе—хе! О-ах, я бы сейчас! – он опять попытался обнять, но она легко высвободилась из его рук.

– Не надо, Васенька... Ты, прямо, озабоченный какой-то. С тобой расслабляться нельзя, – перевела в шутку.

– Я же моряк! – он для убедительности даже присел и развел руками, будто собрался сплясать «яблочко». Но, к счастью, не стал – упал бы.

– Вась, ноги не держат?

– Нормальный ход! – Он бережно закурил бутылку и стал проталкивать в нагрудный карман. – Специальный мой! – Подмигнул. – Пойдёшь на море? Устрою. Я – могу! Но для начала надо тебе присмотреться. Море – особь статья. Ты не слушай подруг своих – насчёт шмоток, насчёт валюты. Море, Танюша... – ей стало приятно от его «Танюша», – море, Танюша, это образ жизни. Светлый и горький. Мы, можно сказать, каждый день в лицо опасности смотрим! Не идёт... – Бутылка не шла в карман. – Шторм – в кармане! Ах! – Звон разбитого стекла и шипение пива на асфальте – это всё, что отразило воображаемый шторм. – Вася остановился. Оглядел пустынную улицу, стену дома и небо над головой, будто призывая в свидетели, и произнёс почти шепотом. – Трагедия! Шекспир – моряком был! Это – точно, тебе говорю. А во мне – бродит столько трагедий, Татьяна... Как у Пушкина: «Она звалась Татьяной...» Посмотри! Почти полная бутылка была...

Ей стало смешно, и она ожидала комедийной развязки. Он – раскачиваясь, как на зыбкой палубе – устоял, передохнул, и завершил монолог откровенно и просто, будто каплю с руки слизал:

– Трагедия – каждый день. Посмотри на меня! Так я женщин люблю и жалею, Танечка! Так желаю вам бабского счастья... А счастьем ошибиться нельзя, Танюха. Грех – ошибиться счастьем! А я тебя научу, как... – Он глубоко вздохнул и сказал шепотом, – как Шекспир говорю тебе – на море идти надо.

– Это как?

– Ты серьёзно?

– А почему нет, Вася? что я теряю? – ей стало легко и свободно. Она посмотрела ему под ноги:

– Море – разбилось. Спектакль – закончился. Можно идти к выходу?

– Молодец. Ты просто – полный аврал! Уважаю! Слушай, Танюха, я тебе не пара, конечно. Это тут без бинокля всем видно. – Задумался. – Подруга есть? Для меня.

– Это что – вступительный взнос, что ли?

– Ой, прямолинейная какая! Ничего от тебя не скроешь.

– А ты не скрывай! Что – если устроюсь я к вам поварихой, то должна буду и по ночам отрабатывать? Под кем?!

– Ты это брось! Ты что говоришь? Не по-морскому! Народ разный, конечно. И женщины разные. И мужчины. А закон на море един: повар – член экипажа. Не смей обижать. Не балуй, где живёшь, не живи, где... Стоп – это мужское, тебе это не надо. Экипаж – это семья!

– В семье не без урода. Это я поняла уже, тебя слушая... Хороший ты, хороший! Успокойся. Горяч, как Шекспир на сцене. Так что ты насчёт подружки?

– А чтобы не одну мне тебя вести – тебе же спокойнее.

– Куда вести?

– На судно. Чего ты так смотришь? Зачем откладывать? Сейчас прихватим подружку и пойдём.

– Так сразу?

– Не сразу, сначала в магазин заскочим, – показал пустой карман. – А наши у причала стоят. Посидим. Вечер-то ещё – только начинается! Посмотришь, послушаешь. Ты на судне была когда-нибудь? Нет? Ну, решай...

– Театр! – Только и нашла, что сказать ему. Посмотрела на фонарную улицу, огни города, звёзды, тёмную спину ночной горы – все было усталым, все хотело покоя, а ей захотелось... Она вдруг задумалась.

Васька стоял посреди улицы, не зная куда идти:

– Куда идти, Таня?

– На рейд!

– На рейд? – Он долго раскачивался, будто мысли раскручивал, и сказал трезво и весело:

– Молодец, Танюха! В магазин! За подругой! И – на пароход! Полный вперед!

Перед магазином стоял моряк – чёрный плащ был расстёгнут, белый шарф развевался, голос гремел на два квартала:

– Идём по Ла-Маншу! Ночь. Ветер и дождь. Справа – скалы Шербур в пене волн! Слева – Англия плачет от шторма! Волну принимаем по самые уши. На пароходе только два человека знают – где мы и куда идём: я и капитан! «Кофе с коньячком, Петенька, – говорит он мне. А я отвечаю: Е-ас!.. Капитан!»

Люди начинают останавливаться и собираться в зрители. Женщины приглядываются: морячок-то ещё ничего себе...

Кто-то из молодых курсантов подходит и говорит медленно:

– Ты чего шумишь, мореман? Чего хочешь?

– Коньячку бы морячку бы...

– Не хватило? На такси до парохода?

– Настроения мне не хватило.

– Возьми на сто грамм!

– Обижаешь?! А другу? Я же моряк! В одиночку я пить не буду!

– Во, дает, мариман... ну, возьми и на друга...

– Какой это мариман? Это Петька с проспекта. Он когда-то два рейса стюардом сходил, а потом – буфетчиком в баре портовом... Дурачком катается.

Моряк в чёрном плаще отрезвел вдруг, сгреб с ладони курсанта купюры и сказал на прощанье:

– Дурак не дурак, я свои триста грамм коньячка каждый вечер имею. Чао! – и пошёл валкой походкой уходящего в шторм. И голос его опять гремел меж домами, подкидывая небо и привлекая любопытных:

– Стюард?! А кто вам расскажет про море?! Эх, люди...

– Артист! – смеялись прохожие.

– Вот гад... – чесал голову курсант.

– А морем повеяло, как в проливе...

– Совсем хороший мужик ещё...

– Одет прилично...

– И коньяк пьет...

Одна дамочка, невольно, пошла следом, приговаривая: «Интересненький какой...»

Васька остановился и задумался. Таня заметила и спросила прямо, как привыкла:

– Тебя, Вася, что-то смутило? Конкретно? О чём задумался?

– Вот гад! Такой агитпоход на пароход испортил!

– Слишком яркий персонаж на фоне рейда? Бросил тень на твой экипаж? Я правильно слова употребляю?

– В точку. Ты же теперь, всех кавалеров будешь «маном» представлять?

– Конечно буду, Вася. А почему «ман»?

– По морскому – «человек»: лоцман, боцман, донкерман... Мореман, одним словом.

– А я думала...

– Что ты думала?

– Что «ман» – это еврей?

– Глупо думала. На море еврейская кровь – элита: Шиман, Шамин, Солтановский – капитаны, механики, радиоспециалисты. Обижаешь! В море – одна у нас нация: моряки.

Она растерялась совсем:

– Так идём или нет? Или не потянут твои кандидаты против мана-буфетчика?

– Обижаешь, подруга! Полный вперёд!

«...Трапы, комингсы, палуба, подволок... – она с трудом запоминала новые слова. – Плафон! Пиллерс!» – Васька щеголял перед Татьяной и подругой, показывая всё, от камбуза до мостика. Даже в машину спускались, но осторожно:

– Посторонним сюда нельзя, но со мной – можно. Сейчас кореш с вахты сменится. И мы все при деле будем. Поняла, подруга?

– Он главный? – спросила подруга, закатывая глазки и насмешливо открывая рот, будто хотела сказать: «Куда мы попали? Смех и ужас!».

– Почти. Механики на флоте – самые умные. – Васька успел использовать узость прохода и прижался к подруге:

– А главный – для тебя на сегодня – я! Понятно объясняю? – он прижался к ней, для убедительности изображая атаку.

– Ой, Васенька! Да ты такой убедительный для меня, что мне уже ничего и не надо больше.

– Как это – не надо? Детский сад, что ли? Умрём, но флот не опозорим! На трап!

– Ой, так затрапали... Так затрапали... Страх и только. Верх-вниз! Вверх-вниз! Прямо – палач какой-то. Хоть бы домик нам какой-нибудь нашёлся? А хоть бы и коечка...

– Не домик, а каюта. Прямо по коридору вторая дверь слева! Прощу!.. Стол. Койка. Иллюминатор... Чашки, кофе, музыка – тихенько...

– Ой, а что это качается?

– Качается – тень от занавески.

– А рокочет и шипит?

– Рокочет – галька на берегу, волна её прибоем катает и шипит на неё: тшш... тшш...

– Ой, страх какой! – подруга опять делает Татьяне глазками «Умиррраю – смишшно!» –
А где, то самое, умыться?

– Галью-ун?

– Я не Галью-у, Васенька! Глаша – меня зовут.

– Я помню, родная моя! Я говорю – гальюунн – за этой дверью, умыться и прочее. По-
морскому так называется. Поняла?

– Поняла, поняла... Галью-у... Как девушку...

– А вот, наконец, наш товарищ...

Таня увидела сначала его руки. Одна открывала дверь, и дверь будто сжалась от его паль-
цев, послушно. Другая – прижата к груди ладонью, будто он сам себя сдерживал. Или сердце.
Воздух шевельнулся в каюте, теснясь и уступая ему место. У Тани приятно защемило дыхание,
она улыбнулась предчувствию.

– Здравствуйте, девочки. Я – просто Сережа. Сергей.

– Я – просто Глаша. А это – Татьяна.

– Танечка, значит. Танюша. Очень приятно.

– И мне...

Васька ставит на стол стаканы и травит, не останавливаясь, всё подряд:

– Моряк зашёл в ресторан, посидел-выпил, станцевал с девушкой и ведёт её к себе домой.
До двери дошёл – вспомнил: жена дома! А жена уже дверь открывает: «Пришёл? а это кто?»

Моряк к жене наклоняется:

– Вика, мне так неудобно – скажи, что ты моя сестра...

Еврей говорит: живу с женой тридцать лет и только сегодня мы приняли с ней абсолютно
одинаковое решение – дом загорелся и мы одновременно вклинились с ней в дверь на выход...

– Вы женаты? – Нет. Это я просто так выгляжу.

– Вы попали в беду и вас оперировали... – Так я в больнице? – Большей частью, можно
сказать, да...

– Как вы обожгли ухо? – Я гладила белье, когда зазвонил телефон, и я приложила утюг
к уху... – А второе ухо? – Мне же надо было позвонить в скорую...

В справочном отделе супермаркета: простите, я потерял жену. – Соболезнуем. Всё для
похорон находится на первом этаже...

Кто умнее: мужчины или женщины? Женщины. Почему? Ты видел хоть одну женщину,
которая выходит замуж только за то, что у кого-то красивые ноги?..

– Мальчик! Кто разбил окно? – Мама. Но виноват папа – он присел, когда в него летела
тарелка.

– Дорогой, ты не помнишь телефон Клавы? – Нет. – Ну, хотя бы приблизительно?

Пациент приходит в себя:

– Где я? – Это номер 17. – Палата или камера?

– Он не умеет играть в карты. – Это же хорошо! – Но играет...

Психиатр: «Так вы говорите, что платите налоги с радостью? И когда это у вас нача-
лось?..»

Все смеются. Васька наполняет стаканы:

– Не бойтесь, девочки, в море микробов нет.

– Больше всего боюсь забеременеть... – говорит подруга и берёт стакан.

– Это противно нашему правилу и чести! – Вытягивается Васька по стойке смирно, как
киношный поручик. – Гарантирую полную безопасность!

Обнимает подругу за плечи, а она хихикает и отмахивается рукой, как добрая хозяйка
от балованного телёнка:

– Та-а, то ты меня не знаешь ещё? Я больше – опасных люблю! Тихе ты, с поцелуями!

– Гладь, Глашенька! Гладь... Какое морское появилось слово: гладь...

Серёжа наклонился и сказал тихо:

– Пойдёмте в мою каюту, Танечка. Здесь становится тесно.

Она поняла и молча поднялась. Васька с Глашей, сделали вид, что не заметили их ухода. Для Тани этот переход из одной каюты в другую был подобен кругосветному плаванию, полному скрытых тревог. Новые запахи, звуки, отдалённый разговор, где-то звякнула чайная ложечка. Это звук показался ей таким родным и привычным, что она его оставила в памяти, как спасительный ориентир. Серёжа открыл каюту и пропустил её вперёд, успев включить свет.

– Спасибо, – поблагодарила она и поспешила пройти мимо цветной занавески, скрывающей койку. Присела к столу. Хозяин включил настольную лампу и выключил общий свет. Она огляделась. Кювета Сергея была почти такой же, как предыдущая, если не считать двух книжных полок. Таня глянула на корешки – увидела несколько знакомых авторов, ей стало спокойнее, увидела фото женщины и мужчины в рамочке над столом.

– Это мои родители. – Сказал он, хотя она ни о чём не спрашивала.

– Чай? Кофе?

– Уже достаточно. Спасибо. – Возникла пауза.

– Что мы с тобой будем делать, девочка?

Было до странного тихо. Горел ночник. Занавеска над открытым иллюминатором не шевелилась, но тень её на столе до удлинялась, то укорачивалась. Казалось невыносимым, что минуту назад в такой же каюте могли разместиться ещё и подруга с шумливым Васькой. Тихая и полуосвещённая каюта была только для двоих.

– Я понимаю, раз мы сюда пришли... И вообще, раз всё так... Я не ханжа и без предрассудков...

– Спокойно, Танюша. Пойдём прогуляемся...

– Спасибо... Я люблю ночь...

– Вот свитер, надень. Тебе будет теплее.

– Спасибо. – Подошла к зеркалу, на ходу продевая в рукава руки. – Ой, какой длинный! – Поправила волосы. – А тепло как, – сжалась, словно от холодного потока пряталась. Неожиданно потянулась и поцеловала его в щёку, – спасибо. – И, торопливо, не давая времени опомниться и обнять её, потянула из каюты. – Пойдём-пойдём!..

– Ой, как хорошо! Желанный глоток воздуха.

Замерли тихие и пустые улицы. Блеск луж и стекол. Тени на тротуаре, как глыбы и пропасти. Через них надо перепрыгивать или перелетать. Ветви над головой брызгают звёздами или усталым дождём в лицо. Свежо и тревожно. И радостно. Снова – мостовая и камни. Ступени наверх. Черная громада горы, как облако, закрыла половину неба. Город огнями рассыпался где-то внизу. Там же, как в глубоком колодце, лежало море, отражая серебристую пыль звёздного неба.

Он первым нарушил молчание, и все оживило и заговорило...

– Почему ты молчишь?

– Разве надо говорить? – Она повернула лицо к нему.

– Надо.

– Мне казалось, ты о чём-то задумался. И я не мешала тебе.

– От этого мне ещё приятнее. Даже молчать.

– А я устала молчать в одиночку.

– Ты одна здесь живёшь?

– Одна.

Он не спросил «почему?» и какое-то время опять шли молча. Остановились.

– Ты – механик? – спросила, чтобы прервать паузу.

– Нет. Я – штурман.

– Штурман? – переспросила, с акцентом на «ман». Штормовой мужчина?

– Ты романтична. Сразу этого не скажешь. Прости, огорчу тебя: должен был прийти к вам в каюту механик, а пришёл я.

– Случайно? Двери перепутал? – Ей стало смешно, или нервно. – Тебя «по ошибке посадили в самолёт», как в кино?

– Механик сел играть в преферанс. Прости.

– А, Вася говорил, что механики на флоте самые умные.

– Это правильно. А штурмана – пьют и бабники.

– Это правда?

– Я же здесь.

– Бабник? Значит – правда.

Опять повисла пауза. Она опять прервала её первой:

– Ночь – это большая пауза. Мне так сейчас показалось. Наверное, она мне нужна сегодня.

– Почему ты одна в этом городе?

– Мама была главным бухгалтером на пищевом комбинате, но уехала в Израиль и стала билетёршей в кинотеатре, папа – был хорошим адвокатом, уехал в Киев по делам клиента, потом – в Минск, в Москву, в Омск... В общем, семья пошла за Моисеем, по своим пустыням.

– А ты где училась?

– В Плехановке, три курса. На четвёртом – мама уговорила переехать к ней, на Святую землю, где самый мудрый народ.

– И что? Действительно, самый мудрый?

– Который всю жизнь воюет? Это мудро? Рожать детей для войны?

– Если я правильно понял историю, то исход народа на сорок лет был нужен для того, чтобы нарожать два поколения молодых воинов. С этим можно было вернуться в Египет многочисленным войском и отвоевать землю. До сих пор – воюют... Со всеми соседями. Мудрее было бы строить кибуцы в Биробиджане, а Святой город сделать городом-государством главных религий, по типу Ватикана...

– Ты бы ещё про Рим, про греков и походы крестовые вспомнил. Разве можно судить о народе по легендам и летописям?

– Можно. Я думаю – можно. Ведь мы, все равно, говорим о людях: что любили, что защищали, чем гордились – в этом суть. А не в том: кто с кем воевал.

– Ты бы стал воевать за святую землю? Есть для тебя – святое?

– Моисей просил народ поверить в нового бога, и в этом найти себя. Одни собрали всё золото и создали культ денег и культ вечной войны за святые земли. Не получится в Израиле – придут в Крым.

– В Крыму татары.

– Купят...

– А другие?

– Другие – мудрее. Находят талант в ребёнке и рады ему, как новому богу. И весь мир перед ними: мир музыки, мир науки, мир врачевания и духовности... В Штатах, в России, в Европе, в Японии... Так?

– Давай помолчим?

– Хорошо. Помолчим.

– Хорошо помолчим, хорошо? – Она улыбнулась и прижалась к нему. – Ты не замёрз? Теперь я тебя немного согрею. Можно?

– Ты женщина. У тебя слово «можно» от слова «могу».

– Я умная женщина, когда этого хочу. А про мудрый народ и Святую землю – не надо. Ладно?

– Чего об этом? Все равно половина в Германию уехала, а не в Израиль...

– Почему?

– За Израиль воевать надо, а в Германии – за сожжённых в печах родственников – компенсации платят.

– Не смей так!

– Прости. Но ты сама знаешь. От того ты одна. А тебе говорить надо.

Она отошла к краю обрыва и долго стояла там, глядя на море. Представила море в Израиле, море в Германии, море в Штатах. Везде были люди, но не было места.

– Мне нигде не осталось места, – сказала вслух. – Это так глупо.

Он осторожно подошёл и тихонько обнял её:

– Умному человеку нужно научиться молчать, – он прошептал это совсем рядом, будто потянул её от края обрыва.

Она повернула к нему лицо и ответила шёпотом:

– Я умная. Я уже молчу. Я уже – не одна.

Он хотел что-то сказать, но целоваться было приятнее.

– Светает. Видишь, море было глубоко внизу, как в колодце, а стало всплывать и вспухать горизонтом. С каждой минутой оно всё светлее и больше, как добрая собака, которая идёт через весь двор, изгибая спину и хвост, и подставляя лобастую голову и нос, чтобы мы погладили.

– А у тебя нос холодный... – Целует. – А сам весь горячий. А я – я горячая?

– Самая горячая.

– Самая горячая из женщин?

– Самая...

– Пойдём назад? – Её пальцы легли в его ладонь. Он осторожно поднёс их к губам. Поцеловал один за другим пять пальчиков. Другие – пять пальчиков. И запястья, такие горячие и чувствительные, что ей стало щекотно, и она запрокинула голову от удовольствия. Провел её ладонями по своей щеке и подбородку.

– Колючий.

– Прости, не успел побриться.

– Успеешь. Я дам тебе время. А что такое порядочность?

– Почему такой вопрос?

– Не знаю, – пожала плечами. – Так что?

– Сейчас, кажется, что умение услышать и понять другого человека. Любого. Умнее ли, глупее, проще... Так перед смертью, уходя к богу, исповедуются смертному. Духовник – не нужен. Просто – кто рядом окажется. Бог может не расслышать. Не понять. Ближний – ближе всевышнего. Грешный – понятливее... Иногда мне приходят такие мысли.

– Я заметила.

– Не лъсти. – Он поцеловал её. Они снова остановились и прижались друг к другу. Первый раз. У неё были мягкие и жадные губы. И пальцы – нетерпеливо горячие. Волосы пахли приятно и головокружительно, как талая вода в весеннем лесу, с облаками меж веток и стволов, тонких и длинно вытянутых, высоко-высоко. А с неба по веткам сбегает сок.

– Странно всё Так уродливо начиналось сегодня.

– Вчера.

– Вчера?

– Я строил коварные планы – рrrры!

– Не рычи на меня. Мне стыдно.

– А сейчас...

– Сейчас мне хорошо...

– От людей всё зависит. Ситуация – это сцена. Грязь не пристаёт к чистым людям. Я не про себя – моряк чистым не бывает. А ты – умница. Думаешь. В папу, наверное.

– Спасибо. Ты – милый.

Он хотел что-то возразить, но она вскинула руки, приближая палец к его губам, и добавила:

– Строитель каютных планов. Ррры на тебя! Пойдём быстрее. – Она вся вжалась в его тело и радостно лизнула колючий мужской подбородок и шею... – Опасный! А так умно говоришь, как лапшу на уши развешиваешь. Ты – не зануда? – засмеялась, откидывая назад голову и отстраняясь, будто собралась бежать.

– Есть немного. Но я исправлюсь.

– Я прослежу.

Дальше шли молча, тесно прижавшись. Плечиком к плечу, путаясь ногами, словно срослись. Иногда кто-то спотыкался, тогда оба приноравливались, чтобы шагнуть вместе – правая его, левая её...

«Мы подошли друг другу, как два соприкоснувшихся облачка – придумала она или вспомнила. – Сколько слов и мелодий бушуют сегодня в моей душе... Сколько хочу сказать своих слов! Но боюсь чужих глаз!»

– В каждой каюте живут мысли и мелодии её хозяина. Только надо прислушаться и услышать. Я как-то ночевал в квартире своих знакомых. Отец у них пропал где-то вместе с судном, сразу после перестройки. Тогда многих недосчитались. Я всю ночь не мог уснуть. Мне казалось, я слышу море, скрип переборок. Голоса. Песни. Слова. Я всю его жизнь услышал и говорил с ним. Мне казалось – он может вернуться.

– Вернулся?

– Не знаю.

Он – умолк. Она – боялась потревожить его. Вспомнила каюту, иллюминатор, стол...

– А в твоей каюте живут твои мысли и сны?

– Конечно.

– Я могу их услышать?

– Я сам расскажу тебе...

Пришли на судно. У трапа кто-то сказал ему:

– Тебя мастер просил зайти.

– Сейчас?

– Да, там что-то с отходом связано.

– Когда?

– Похоже, с утра побежим.

Он оставил её в каюте:

– Кофе, чай, сахар, лимон – сама, пожалуйста. Я к мастеру и вернусь. Пожалуйста.

– Не волнуйся. Я всё понимаю. Я справлюсь. Иди.

– Ты никуда не денешься?

– Не бойся.

– Молодец. – Он поцеловал её, но она чувствовала, что атмосфера корабля и моря отрываю от неё.

Он вышел. Она упала в кресло и обняла голову, пытаясь унять внезапную дрожь. Из-за двери или из-за переборки слышались голоса. Громкие и чужие. Кто-то травил анекдоты или морские байки. Как несколько часов назад это делал Васька. Но слова были чужие и непонятные:

– Чифуля, у меня шпринг¹ короткий – до хлеба не дотягиваюсь – подай, пожалуйста...

¹ Шпринг – швартовый конец с носа или кормы к середине судна.

– Дамочка на скользкой улице упала, как фигуристка на льду, да так перевернулась, аж шпигат² видно...

– Повариха стала: одной ногой на трапе, другой – на пароходе... А тут волна – кач! – чуть по ДП³ не разорвало девушку...

К счастью, вернулся Серёжа. Работа изменила его. Он стал сдержанным и о чём-то думал. Она поднялась.

– Уже рассвело совсем. Мне надо идти.

– Тебе надо идти? Ты же не работаешь сегодня?

– Мне просто не хочется, чтобы меня здесь видели. Это может повредить тебе.

– Мне это уже не повредит.

– Всё равно. Тебе, может быть, просто неудобно сказать мне, что пора разбежаться. Я помню об этом сама. Не смотри, пожалуйста. Мне надо переодеться и привести себя в порядок.

– Я не смотрю. Я сейчас тоже переоденусь и провожу тебя.

– Если тебе неудобно, я могу пойти от трапа сама.

– Ты очень предупредительна.

– Надо идти.

– Послушай, мы завтра уходим в рейс. Я хочу провести этот день с тобой.

– Ты хочешь так мало?

– Не пытайся меня уколоть. Тебе не идет быть ершистой. Я понимаю, ты нервничаешь.

Она вдруг смирилась:

– Прости. Я, действительно, не знаю, как поступить.

– Тебе неприятно со мной?

– Приятно. Конечно, приятно. Как ты можешь не видеть этого?.. Я просто не знаю, что делать... Я боюсь влюбиться в тебя. Ты не бойся, я только чуть-чуть... Чуть-чуть полюблю и уйду.

– Один не глупый человек сказал: хочешь большего – напрягайся, не хочешь напрягаться – довольствуйся малым.

– Ты это к чему?

Он не успел ответить. Раздался стук в дверь и Васька просунул голову:

– Прощу добро! – лицо его пылало одеколонной свежестью и улыбкой самодеятельного конферансье. – Вижу, что можно! – Распахнул дверь настежь, пропуская смущающуюся подругу, будто по частям: плечо, ножка, грудь в кофточке, покорно прильнувшая к верному спутнику головка, другое плечико и вся грудь! – Кофе готов, влюблённые! – Васька поставил на стол горячий кофейник. – Подруга! Готовь чашки!

Подруга отделилась, частично, от фигуристого спутника, текучей полутенью манипулируя чашками. Чашки стали наполняться кофе, а каюта – ароматом. При этом приклеенная к Ваське Глашенька, успела наклониться и выдать тайное: «Сначала уснул, и я уж подумала: всё – палач умер и казни не будет. Ошиблась я: так казнил, так казнил – просто жить хочется! Спасибо, Танечка!»

Васька был в ударе и пел, играя на публику:

– Увезу тебя я в тундру...

– Увези на Канары, там тепло, – запричитала подруга.

– Это не ко мне. Прости, подруга, я – моряк, а потому – без денег.

– Без денег, Васенька, как без любви – всегда один. – Она отряхнула с его плеча невидимые глазу пылинки.

Он подставил другое плечо:

² Шпигат – сливное отверстие в корпусе судна.

³ ДП – диаметральной плоскость судна.

– А дядя-голубятник учил нас, пацанов, что всё лучшее в жизни прилетает, как голуби на чердак... По любви.

– На чей чердак, Вася? – подруга показывает на голову и смеётся.

– Вася-друг, когда рядом женщина – философия не уместна: готовься в рейс зарабатывать деньги. Понял?

– Понял. А чего тебя капитан вызывал?

– Мастер! Пограницы пришли мзду собрать: ты вчера от трапа ушёл?

– Я только кофе заварил себе, холодно ночью. И кто придёт, если порт под тройной охраной?

– А они говорят: придут посторонние, запустят двигатель, и уведут судно на Канары или до Сингапура.

– Далеко. Все знают. А ты, что сказал им?

– Сказал, что мы винт снимаем на ночь – без винта пароход не уйдёт.

– Как снимаем?

– Так и снимаем. Пришлось повести на кормовую палубу и показать – лежит. Как миленький. Ещё и болтами прикручен. Поверили.

– А что не так? – спросила сообразительная Танечка, заподозрив подвох.

Ответил Васька, довольный, словно пивка глотнул:

– Так это же запасной. Он на любом судне есть, на палубе гниёт, а вот – пригодился...

Таня повернулась и тихо спросила:

– Серёженька, а если я не захочу довольствоваться малым? Если я захочу тебя всего?

– Тогда будем жить на чердаке. Куда голуби прилетают.

– Какой такой чердак на пароходе? Чудаки! Нет такого слова на флоте!

Васька опять входил в роль, достал, как фокусник, из-под руки и разливал из фляжки с бульканьем:

– Содрогаясь, гляжу на отраву, что сквозь грани стакана видно, но по полному римскому праву, коль уплачено – выпью до дна!.. Из флотской классики поэта Кирьянова!

– С утра пить, Вася, это уже перебор! – сказала Таня, повернулась к хозяину каюты, – всё было хорошо. Всё было заманчиво...

– Агитка! – Встрял довольный собой Васька. – Гаишник останавливает девушку: Мадам! Вы за неделю сбили четырех пешеходов – это перебор! – Перебор? А сколько можно?... Ха-ха-ха!

– погоди, друг, – остановил его штурман. – Давай, не путать праведное с грешным. Нам с Таней пора.

– Куда? На чердак? Где счастливые голуби... целуются и воркуют?

Таня вернулась домой одна. Не позволила провожать себя – видела, что у него уже голова занята другими заботами: железный монстр у причала с мачтами и трубой, молча и уверенно отбирал у неё её счастье.

Дома было тоскливо и мрачно. Солнце, казалось, померкло, а день – замер в ожидании боя часов, но часы – остановились.

Она вдруг подумала о своих маленьких комнатах, как о живых. Что они думают о ней? Что они помнят? Что – могли бы рассказать ему, если бы он оказался здесь и прислушался к ним? Ей стало его не хватать. Хотелось, чтобы он позвонил. Но она не оставила ему ни телефона, ни адреса... Почему? Гуманитарная очень? Вспомнила: гуманитарий – это не значит, что ты силен в литературе и истории, а то, что ты слаб в математике... Просчиталась. Дочь мудрого народа – просчиталась со счастьем. Добросовестно берегла свою независимость. Добросовестный человек – универсален. Кто это сказал? Папа её учил: нельзя быть добросовестным в одном и не добросовестным в другом...

Включила телевизор. Пьяный в вырезвители поёт, смеётся, и говорит громко: запомните меня как человека, который на нарах, на ваших глазах – любит жизнь! Работаю! Гуляю! Люблю! Хочу петь! И пою! Мудрость по Конфуцию – я и государство – это блеф! А я люблю греков: человек – может оказаться богом, который слегка перепил от счастья! Делай – как я! Будешь счастлив – как бог! – два милиционера смотрели на него с уважением – философ!

Выключила телевизор. Не находила места. Прилегла на кровать и уснула...

Ей снилась его каюта. Она слышала его голос:

«...Ещё один день прошёл без тебя. Так досадно и пусто. И долго. Словно это – последний день жизни. Упрёком, что не увидел тебя. Наказанием, что не бежал к тебе. Казнью, будто предал тебя. Надеждой, что снова всё тело моё вдруг поднимется и рванется на голос твой, обгоняя и чувства, и мысли мои. Как бабочки – из тени на свет, и обратно... Как в другую жизнь и обратно...

...После этой близости я, будто прозрел, но ведь я уже был зрячим... Будто научился говорить, но я уже был говорящим прежде... Будто научился видеть и говорить не глазами и языком, а каждой клеточкой, которая соприкасалась с тобой и запомнила тебя. Я чувствую, как пальцы мои всё ещё держат твои пальчики, и кровь наша пульсирует и перетекает, словно мы прирастаем друг к другу. Губы твои продолжают двигаться и прикасаться к моему телу, открытому твоим поцелуям. Ладони твои скользят по моим рукам, по груди и бедрам, сладостно вытягивающимся от этих прикосновений, как струны. Кровь пульсирует в ямках локтевых и под кожицей шеи так, словно касаешься ты самых чувственных клавиш моей души, прорывающихся наружу, и она – душа моя – рвётся петь и стонать. Будто стал я органом и скрипкой... и ветром в сосновых ветвях над скалистым обрывом... И готов вот сейчас оторваться от веток и берега и улететь. За край света. С тобой...

Тебя так долго нет рядом. Но улыбка блуждает по моему лицу, и оно поворачивается в поисках тебя, как подсолнух поворачивается в сторону солнца. Даже в пасмурный день! Где ты? Мы чувствуем друг друга. На расстоянии. Мы продолжаем говорить на этом, открывшемся внезапно, языке соприкосновений и общего дыхания. И бунтующей крови, которой вдруг тесно метаться по венам двух тел, отдельно. Она – переплескивается через край.

Бурля. И смеясь. И играя. Так гуляет вино. Так оркестр свои пробует трубы, перед тем, как взорваться симфонией. Так язык привыкает к словам незнакомым и новым. Это – наши слова. Только нам лишь – понятные. И услышаны – только нами. В мире – нашем. Приласканным. Тихом. Любимом, словами любимыми. Ты меня слышишь? Близкая... Близко я. Где бы ты ни была...

...Почему я избегаю людей, даже знакомых? Я не прячусь ни от кого. Но дела и работа вдруг стали не важными. А улицы – не интересными. Лица знакомые – отделились. Они ведь не знают слов языка нашего. Не понимают. И я увожу тебя. От улиц и теней. От чужих и друзей. У них другие слова – грубее. У них другие голоса – громче. Они делают тебе больно. А мои руки по твоим волосам – лечат. А твои глаза, прямо перед моими, сливаются в единое глазное яблоко. Зелёное и широкое. Счастливое. Я целую реснички твои. Обнимаю плечи твои. Обвиваю. Кружусь и переплетаюсь. Прижимаюсь губами к щиколоткам твоих ног. Ты слышишь меня? Голова моя улетаёт от твоих поцелуев. Ладони и пальцы ищут и соприкасаются, рождая электрическую радость. Губы твои – нежно мягкие. Смеются мне в ухо сладким дыханием, от которого горячо и щекотно по всей спине. И тела изгибаются, повторяя друг друга. Подчиняясь твоему поцелую.

Я люблю этот тайный язык, рождённый твоими ласками. Околдованный – твоим шепотом. Понятный – моему телу и моим желаниям. И я весь – твой. Ты видишь? От лёгкого прикосновения твоих пальчиков к моему подреберью я поднимаюсь над землей. Горизонтально зависая. Покачиваясь, руки в стороны. Совсем не боюсь этой высоты. И бездны. И только от дуновения твоего, прямо мне в губы, я лечу, словно облако. Потому, что ты смотришь

на меня. Пока – смотришь. Пока – ты улыбаешься. Мне. Ничего не страшно. Сорваться и лететь! Пока ты улыбаешься мне. Улы...»

Она открыла глаза. Снова вспомнила. Снова пришли эти мысли и собственные слова:

– Сколько слов и мелодий бушуют сегодня в моей душе... Сколько хочу сказать своих слов! Но боюсь чужих глаз!

И только сейчас поняла, что её разбудило: в прихожей звонил телефон...

Давно. Громко. Требовательно.

Она догадалась...

Воспоминание о доме Рассказ

Я сидел в Турции январь и февраль, в утренней темноте уезжая из гостиницы на верфь, а в вечерней – возвращаясь. Уезжал – с планами на весь день, приезжал – выжатый как лимон, с жаждой горячего чая и горячего душа. Или – наоборот: душа и чая.

Раджеп жил на другой стороне страны и заехал за мной в канун марта – небо серебрилось чистыми каплями дождя и света, хотелось верить – весеннего.

Услышав его звонок: «Дружище, я в машине у подъезда в гостиницу, вылетай!», я выскочил на улицу, подняв над головой в одной руке легкую сумку, в другой – нераскрытый зонт. Яркий и длинный шарф на моей шее развевался как флаг, подчёркивая важность события и моё настроение. Стеклоочистители в салоне металась за каждой каплей и не успевали.

– Ты чего зонт не раскрыл? – насмешливо протрубил его голос, смеялись чёрные глаза, зубы сверкали в улыбке, но сам он не ждал ответа, а уже выжимал газ из бешеного мотора и крутил руль, вылетая на дорогу. Он любил торопиться, как настоящий потомок янычара.

Несколько лет назад мы работали на одном судне и ещё пару раз встречались. Но не это составляло наше единодушие, а одно общее воспоминание. Из нашего детства. Но об этом – чуть позже.

– Ветер сильнее, чем дождь – зонт ломает.

Мне казалось, что я ответил быстро, но машина летела вперед, будто и не останавливалась вовсе, а Раджеп скрежетал зубами, когда колеса просвистывали на поворотах, и успел позабыть свой «дождливый» вопрос.

– Спи, если сможешь. Дорога часов на пять... Гы-ы-ы! В го-о-оры-у...

– Куда едем?

– Расслабься. Сю-ур-при-ыз!

Он ещё что-то говорил и смеялся, но я закрыл глаза, будто медитировал – от решёток авто-калорифера потянуло горячим воздухом. «Хорошая печка» – подумал я в сладкой дрёме, и расслабился. Сумка с зонтом на заднем сиденье приоткрылась бесформенно одним глазом. Шарф мой, казалось, ещё летит в пространстве летящей машины, оседая на спинку просторного салона, как облачко на мягкий склон.

Мелькали обрывки дороги, зигзаги рельефа и стены одиноких домов, холмы и долины, набегающие, словно волны... Дождь давно кончился.

– Пospал... Что без меня делал?

– Пропадал.

– Турцию посмотрел?

– Без тебя? Без тебя это не Турция, Раджеп!

– А-аа! Хорошо сказа-ал...

Знакомство с Турцией в этот приезд как-то не складывалось. Жил я в гостинице, хозяином которой был азербайджанец Саня – бывший парикмахер из советского Баку. С ним мы провели много приятных минут, вспоминая студенческую молодость, будто улетали из Турции на ковре самолёте. На два-три часа? Куда? А какая разница? Откупорив бутылку красного вина. Позабыв о запретах аллаха. Вспомнив набережную на Каспийском море? Песни Бюль-бюль Оглы и Муслима Магамаева? Фантастика? Виртуальная жизнь обычных людей в этом мире, извращённом избытком слов и границ? Может быть...

– Зачем виноград на земле, если вино виноградное пить нельзя? – спросил я бакинского земляка.

– В раю – можно. В Баки – можно, потому что Баки – рай, – твердил он совершенно серьёзно.

– Слушай, Саня-Джан, – спрашивал я его, – какой ты молитвы? Русской, турецкой, азербайджанской? Какой?

– Немного русской, чуть-чуть турецкий, азербайджанский – да-аа.. Советский.

– Зачем уехал?

– Все ехали, Вали-Джан.

– Разве я Вали-Джан? Скажи Валентин просто.

– Зачем обижаешь? Мы – не гость и хозяин: земляки. Далеко друга живём, но – одни звёзды над нами. Видишь, какая луна – нам с тобою одна! Валентин зовут? Вали-Джан уважают. Всегда моей гостинице будь, Баки вспоминать будем. Слушай! Зачем далеко от Баки ехать, чтобы вспоминать каждый день? А!

– А где ты ещё был?

– Баки был: детство – Баки, школа – Баки. Институт – Баки. Хорошо – Баки. Друзья были.

– Плохо здесь?

– Хорошо, слушай! Зачем плохо? Вечером приходи, рад буду...

– Не могу, занят.

– Завтра приходи. Когда можешь, приходи. Нет занятия приятнее встречи, Вали-Джан. Важнее встречи, дорогой, – ничего нет. Так говорю. А ты говоришь – занят...

Заканчивался холодный январский день. Пятница. Я вошел в гостиницу с единственной мечтой – согреться. Саня-хозяин, всегда лучезарно улыбочивый и доброжелательный, грустно смотрел на меня, обмотанный шарфом, пледом и в кепке по самые уши.

– Санечка! – воскликнул я, – что случилось? – Он закатил глаза к небу и зашептал, как слова молитвы:

– Совсем плохой день, Валя-Джан. Горло болит, уши болят, зубы – вот-вот заболят тоже... Как я хочу согреться! Кто мне поможет? В этой стране ни один человек не сможет выполнить мою просьбу...

– А я?

– Земляк! Помоги мне!

– Так в чём дело, Санечка?

– Мне грустно. Вспомнил Баку и солнце. А здесь – зима. И никто не сможет посидеть со мной за компанию, чтобы мы вспоминали Баки, Каспийское море, бакинские девушки такие красивые, музыка играет так ласково...

– И мы пьём с тобой красное вино...

– Нельзя! – Он отчаянно замахал руками, будто отбиваясь от меня и оглядываясь. – Муслим! Пятница! Валико! – Он посмотрел на меня сначала страшно-страшно, потом – совсем жалостливо, потом с простотой земляка и хозяина дома, спросил:

– А можно?

– Нужно! Если нельзя, но очень хочется, как говорили во времена «Бакинского радио»... – начал я старую присказку, но он опередил меня:

– Эх, кто теперь помнит СССР – время друзей: анекдоты «бакинское радио», «армянского радио»... Па-адумали – отвечаем: канэчно, Валик-джан? – улыбнулся он хитро и облегчённо. – Неужели, можно? А как?

– Я не знаю, как? Сам говоришь – муслим. Пятница. Грех. Да и не знаю я, где в вашем провинциальном городишке можно вино купить? Мне – никто не продаст. Побоятся.

Он замер на миг, задумался, мгновенно оценил риски и опасности, прижал палец к губам и начал разматывать шейный платок, стягивать с плеч плед, сдвинул со лба кепку.

Я понял, что мы отправляемся за линию невидимого фронта, как минимум, или – на край жизни и света, точно.

На улице было темно. Холода мы не чувствовали, так было страшно. Мы шли переулком, поднимались на мост, спускались в лабиринт какого-то подземелья, где пылали языками огня раскалённые печи – а может, это была преисподняя?.. На огромных вертелах крутились в огне туши животных, возможно, баранов, но одна была огромной как жертвенный бык! А может быть, это был мамонт? Настоящий! Ревущий сильнее, чем ревел в топке огонь! А угли под ним разгорались вулканами жерл и взрывались, пыхтя и пульсируя искрами. Казалось, что где-то совсем рядом, обрывистый край земной жизни. Пылающий! Саня засмеялся облегчённо и радостно, совсем как в Баку перед винной лавкой:

– Открыто ещё! Успели! – Сразу запахло жареным мясом и горячими лепёшками. Есть захотелось – страсть! Но Саня сказал:

– Ты сам иди, мне – нельзя. Голос его сразу зазвенел, молодой и довольный. А во мне он был совершенно уверен.

Мы вернулись в гостиницу. Он побежал к себе, переодеться. Я поднялся в номер и приготовил стол: сочные лепёшки с горячим мясом – из преисподней, сыр, зелень и бутылка французского – так было написано на этикетке! – красного вина, с двумя шикарными бокалами – были в одной упаковке с бутылкой! Шикарный вид, как говорят в Одессе! Я был доволен собой.

Саня вошел, мягко постучав.

– Входи, хозяин!

И это ему понравилось. Перед собой он держал поднос с фруктами. «Настоящий бакинский хлопчик!»

– Открывай! Кого ждём? – улыбался он, совсем выздоровевший от приятных ожиданий.

– Штопор давай, у меня в номере нет штопора. – Посмотрел на него, не понимающего, и уточнил, – кровать – есть, шкаф – есть, вешалка – есть. Штопора – нет. В Баку – бывает номер без штопора?

Он заулыбался, соглашаясь:

– Прости, друг. Турция. Муслим. Вино – нельзя. Штопор – нельзя. – Он говорил, и улыбка его менялась на мимику ужаса. – Что будем делать, Валя-Джан? Вай! Как открыть? Ты – капитан...

Я понял, что это не я знакомлюсь с Турцией, а это они – турки, евреи, азербайджанцы и персы – подглядывают и смеются надо мной, простым русским.

Я встал у стола, оглядывая предметы. Взял в руки словарь-разговорник, сам ещё не знаю зачем, подержал в руках. Взял полотенце. Постучал кулаком по стене, в одном месте, в другом. Выбрал по звуку. Обхватил горлышко полотенцем, прижал разговорник к стене и трижды воткнул доньшко бутылки короткими ударами в разговорник, как в любом студенческом общеджитии. Пробка вышла из горлышка на половину. Законы жидкостей и газов – везде и всегда!

Отбросил полотенце и разговорник на диван, и разлил вино в бокалы.

Саня был счастлив, будто вернулся на родину. Даже – прослезился.

Какой это был вечер! Сколько было воспоминаний. Оказалось, мы были с ним, в одно и то же время, на Мангышлаке, в Баутино, я – на геофизическом судне, практикантом-матросом, а он – на дебаркадере, студентом-хлебопеком. Наверное, мы видели одних и тех же девушек на единственной в Баутино танцплощадке... «Мы с тобой два берега, у одной реки...» – вспомнил он мелодию и слова далекой молодости. И все порывался спеть до конца, но слов мы не помнили.

Уходя, он взял в руки разговорник и сказал замечательную фразу:

– Ничто не заменит книгу!

Второй раз Саня ждал меня через неделю, опять в пятницу, опять в холле. Громко кричал муэдзин над городом. В февральском небе сияли пушистые от холода звёзды и молодой месяц. Начало повторилось совершенно банально, до мелочей. Единственное отличие – в этот раз я побежал один, у меня были свои планы: обегал все лавки, но штопора не нашёл. «Ладно, – подумал я, – у него была неделя, наверное, он штопор приготовил...».

Ошибся. Открывать пришлось старым проверенным способом – бутылкой в книжку.

Третий раз события развивались с завидной точностью восточных звёзд – опять через неделю, в пятницу, тучи заволокли небо, а муэдзин пел «под фанеру» – как говорят шоумены, или мне показалось, потому что голос его на ветру дребезжал и сопротивлялся.

В холе гостиницы сидел Саня-хозяин, одет, как парижский парикмахер, в костюм-тройку. Рядом с ним, на диванах расположились человек восемь-десять его друзей, гостей или родственников, которые вслед за ним уважительно встали при моём появлении. Саня показал на них широким жестом:

– Прости меня, Валя-Джан. Очень надо... – и он показал на огромное блюдо со сладостями и фруктами.

Я собирался переезжать на судно через пару дней, и планировал попрощаться. Говоря по-русски у меня в номере было. Однако, обычаи Востока – это не только и не столько вино, сладости и подарки, а слова и жесты.

Я пригласил всех в номер. Они скромно расселись и ждали с нескрываемым любопытством. Это меня заинтриговало. Я и сам был не прочь подыграть сегодня. Я потратил половину дня, бегая из магазина в магазин, но нашёл то, что было так необходимо – купил прямо с витрины и очень этим гордился. Мне не терпелось «покрасоваться».

Наконец, Саня многозначительно улыбнулся мне и разрешающе кивнул. Гости – встали. Я стремительно взял бутылку в левую руку, поднял над столом, победоносно глянул на хозяина гостиницы, и разжал пальцы правой руки – в ладони лежал великолепный австрийский нож со штопором.

– Не-ат! – Закричал хозяин и потянулся ко мне, так что новенький костюм на нем стал похож на многочисленные паруса великолепного брига. – Нет, Валя-Джан! Муслим! Они пришли посмотреть, как ты умеешь открывать! Убери этот штопор, покажи им как чудо... Русский!

Чудо – так чудо. И я взялся за разговорник...

Оказывается, есть много способов удивить, разговорить и... согреться. Что мы и сделали с Саней чуть позже, когда гости вышли из номера, спиной к двери, будто из тронного зала султана звёзд, хозяина неба, благодарно кивая, и что-то говоря, говоря, говоря.

Куда мы едем, Раджеп?

– Согреться!

Машина скользила в долину, как самолёт на посадку. Раджеп хотел показать мне всю Турцию сразу, и я позволял ему это делать. Мы остановились у придорожной чайной, и он гордо провёл меня в зал, усадил на лучший диван, рассказал хозяину и его гостям, что я – русский друг, мы вместе работаем, ходим в море. Он хочет, чтобы мне всё понравилось.

В чайной были только мужчины. Так принято.

На Востоке представление не мусульманина в качестве гостя – это серьёзный шаг, ответственный. Я это понимал и предвидел, и потому сейчас, когда он пригласил меня, я старался быть максимально внимательным, чтобы не подвести его.

Я поднялся с дивана, поприветствовал и поблагодарил всех за гостеприимство. Рядом с нами потрескивали дрова в железной печурке, и кипел чайник, присвистывая, совсем как у нас дома, у моих родителей.

Я сказал об этом Раджепу, он сказал хозяину и гостям, все мужчины закивали головами и замолчали, каждый о своём доме.

Турция – страна минаретов и сизого дыма над плоскими крышами, молчаливых стариков за стаканом чая и мальчишек, гоняющихся за мячом. Страна, на флаге которой сияет романтический месяц... белый на красном. Кроваво. А за каждым забором и за ставнями окон, как звёзды на небе, глаза... Они смотрят на вас с любопытством и женским коварством имеющих право прощать и смеяться. Смеяться – над вами. Страна, окольцованная дорогой и рождённая у дороги: с плачем ребенка, запахом горячего мяса, криком поднебесного муэдзина, и бесконечным движением звуков – вчера, и сегодня, и завтра. Ночью дорога течёт, как река в звездно-лунном разливе. С рассветом – лентой взлетит на высокий холм и утонет в небесном мареве, бесконечно глубоком и вечном, как время.

Очнулся от ощущения тепла и блаженства. Открыл глаза: я был укрыт шерстяным пледом.

– Ты мой попутчик – дорога должна согреть, – ответил он скромно на мой вопрошающий взгляд. Я был благодарен, но слова были бы лишними, а молчание – знак понимания. Дорога петляла по склону горы, забираясь все выше и выше.

Раджеп что-то пел или так он рассказывал. Потом снова молчал, потом рассмеялся, как уставший от собственной хитрости ребёнок, перед тем, как попросить игрушку:

– Тебе ещё долго работать?

– Ещё месяца два.

– Всё идет хорошо?

– Нормально.

– Есть проблемы?

– Для проблем всегда есть твой турецкий совет.

– Какой? – ему стало интересно, а машине – легче.

– Ты говорил мне: «Мемнул обдум».

– Не бери в башка?! Ах, ты хитрец! Так проблемы не решают! – он опять подстегнул машину, она покорно подчинилась и рванула в гору.

Дорога шла вверх и вверх.

Турция – это место, где время чувствуешь как движение космоса. Так чувствуешь край земли, когда станешь над морем и увидишь с высокого берега, глубоко-глубоко внизу, точки птиц над волнистыми нитями волн и звёздную даль неба. Захочется повернуть глаза на восток, опуститься на колени, безвольно, и, дышанье сдержав на мгновение, почувствовать вечность молитвы, слова которой забыл. Как забыл своих предков и самого себя под гипнозом луны. Золочёной луны, ночной или белой пушинкой – днём? Будто парус из космоса дня убегает от вас – то ли в прошлое, то ли в будущее... Месяц на небе? Месяц на флаге? Сабля на красном? Парус с луной – на флагштоке?

Турция – дорога по небу.

– Космос! – сказал я, не думая.

– Космос? – переспросил друг, пытаюсь понять смысл слова. Понял и закивал с хитровой улыбкой.

Космос. Именно это слово пришло мне на ум, когда джип Раджепа взлетел над вершинами гор, и я увидел картину внизу: далёкую чашу долины, обрамленную морем и небом с вечерними звёздами, город вросший в горные склоны и горящий осколками закатного солнца на стёклах игрушечных домиков, как искры кострового пепелища. Горячо и гипнотизирующе. Город – как искры костра. Далеко внизу догорал костёр города.

– Раджеп! – кричал я в восторге. – Посмотри, как красиво!

Раджеп что-то кричал мне, бешено вращая руль, будто мы летели на самолёте и запутались в заоблачных виражах. Он яростно скалил зубы улыбкой счастливого янычара, окрасившего свой ятаган кровью первого боевого удара и первой желанной жертвы. Конечно, этой жертвой был я. Он пронзил меня в самое сердце, выпотрошил мой желудок. Джип рычал и вон-

зался бесстрашно в стремительную темноту, которая спешила укрыть дорогу, всю в скалах и безднах, то справа, то слева, то взлёт, то паденье в крутых поворотах. Свистели покрывки, как стоны и хрип. Коробка передач билась металлом из тысячи сабель, рубилась, ломаясь... Раджеп хохотал над рулевым колесом, будто рвал и выкручивал. Он рулил, как рубил и колот его предок, задыхаясь, двумя ятаганами сразу. Он зубами скрипел, будто жрал, отрубая, кусая, выплевывая – чистый турок, счастливый от боя!

– Раджеп! – закричал я, смеясь от восторга.

– Ийи! – кричал турок.

– Ийи! – кричал я. – Хорошо, Раджеп! Хорошо-о!

– Кар! – кричал Раджеп, показывая рукой на снег, освещённый фарами. – Соуктур?

– Нет, Раджеп! Не холодно. Сыджактыр! Жарко!

И мы смеемся с ним вместе. Потому что мы вместе. Так случилось.

Мы – два пленника, вырвавшиеся на свободу. На снег среди облаков.

Наш танкер зашёл под погрузку в маленький порт в Красном море. Все было обычно, пока не случился приступ аппендицита у электромеханика, перед самой швартовкой к терминалу. Всегда, если что-то случается на борту, происходит неожиданно и некстати. Экипаж у нас был черноморский: Одесса, Херсон, Туапсе, Анапа, кок – болгарин, два югослава – механики, три потийца – грузин, белорус, грек. «Кулона» – так величают электромехаников уважительно – увезли в госпиталь, его рейс закончился. К концу нашей погрузки, «кулона из Херсона» заметил Раджеп из Трабзона. У него оказались сразу несколько неоспоримых достоинств: он говорил по-русски, он волну электричества излучал улыбкой и он умел остановить двух югов и трех потийцев, когда те заводились о политике: «Мемнум олдум – не бери в башка!» – обнимал он спорщиков за плечи и хохотал, приглашая смеяться вместе. Они вяло улыбались, как два приподнятых над землей барашка. Границ на борту не было и от этого правила, как от земли, отрываться не стоило. Простота отношений придавала особый заряд атмосфере, которая нас подпитывала, как привкус озона после летней грозы.

Херсонского Ваню нам было жаль, но жизнь корабельная – не колыбельная: «С якоря в восемь, курс – ост!.. Турецкий „кулон“ заступает на пост!» – срифмовал судовой стихоплёт, соединяя свою строку со строкой другого поэта. И это было верно: «гвозди» на море не перевелись ещё. Так, вернее, тогда, началось мое знакомство с Раджепом.

Как чистый турок, он все делал быстро: «Сначала – башка долой, потом – пожалей головой!» – смеялся он странной шутке. – «От такой шутки на душе жутко», – жаловался стихоплёт и в споры с турком не лез: «Кулон, мир?» – стихоплёт протягивал руку. – «Мир!», – великодушно соглашался черноглазый и пожимал ладонь стихоплёта.

В море для нас – мир без границ. Хорошее место – море. Моё!

Я догадался что мы подъезжаем, когда Раджеп стал оглядывать салон, будто что-то искал, и улыбаться каждому дереву. «Наверное, это его родные места», – подумал я проникновенно и тоже стал смотреть с особым чувством то на него, то на пейзаж вдоль дороги, будто могло что-то быть в них общего. Раджеп вдруг переменялся, перестал меня замечать. Он торопился, что-то шептал машине, но и она стала урчать ровнее, как лошадь на знакомой дороге.

Остановились у небольшого дома почти полностью укрытого кустами и деревьями. Снега было совсем мало, он лишь оттенял предметы и листья мёрзлой белизной, как старая белая краска. Ветер, видимо, сдувал снег, если тот не успевал уплотниться дождём и морозом.

«Интересно, каково здесь весной? Красота, наверное: ручьи и подснежники, птицы и облака в ветреном небе, запах вспаханной земли и первой зелени...».

Раджеп уже выскочил из машины и бежал к дому. Я не торопился за ним. Он должен был вернуться за мной, так принято в сельской местности. Но он остановился и подождал:

– Не стесняйся, иди рядом со мной. Это дом моих родителей. Ты увидишь их.

На деревянной веранде горела маленькая электрическая лампа, а дизелёк с генератором шелестели в глубине сада, совсем комфортно. Раджеп показал на веранду и спросил:

– Узнаешь? Помнишь?

Я кивнул молча, вспомнив свой дом. В этот момент открылась дверь, и навстречу нам вышел высокий старик, ещё сильный, судя по гордой осанке, и жадно потянулся руками к сыну. Обнялись, сдержанно и тепло. Раджеп отстранился и представил меня:

– Это Валик, он русский, я говорил о нём.

Отец посмотрел на меня и кивнул, приветствуя и приглашая в дом. Мы шагнули в низкую дверь, и горло перехватило: в ожидании гостей стояли у стены два мальчика, лет шести-восьми, смотрели на приехавших, терпеливо и скромно.

В глубоком кресле полулежала старушка, видимо, мать. Множество фотографий на стенах рассказывали о долгой и многолетней жизни. Среди этих фотографий были, наверное, фото маленького Раджепа и фото отца с матерью на их свадьбе. Все, как в доме моих родителей.

Я сказал об этом Раджепу, а он перевёл мои слова родителям и детям. Дети стали искать среди фотографий знакомые им. Отец с матерью смотрели на сына, будто ждали чего-то. Я попросил друга отвести меня в какую-нибудь комнату, если такая есть, чтобы не мешать им.

Дом, видимо, был многокомнатным: слышались приглушённые голоса, шорохи и движение. «Наверное, там другие территории, как это здесь принято, женская, детская, гостевая...», – успел я подумать, пока Раджеп вёл меня в маленькую келью:

– Это моя детская, – сказал трогательно, – ты пока здесь побудешь. Хорошо? – Ийи, хорошо. – Я вернусь за тобой...

Единственное окно выходило на веранду. Ту, про которую он спросил: «Узнаешь? Помнишь?», – когда мы приехали.

Я вспомнил наш первый вечер на Красном море. Я стоял на причале и смотрел за полётом счастливых ласточек, миллионы которых, видимо, только вернулись в тёплые края из осенних просторов севера. Вечер был ярко расцвечен закатом и морем. Звуки ликующих птиц и шелест скользящих сквозь воздух стремительных крыльев – возбуждали и радовали. Казалось, что я тоже летал и кричал по-птичьи, меж морем и небом.

По причалу приближались двое – судовой агент и гибкий высокий янычар. Если это электромеханик, то сколько в нём осталось от турка? Это была первая мысль, когда я его увидел.

Его первые слова, произнесенные по-русски, меня шокировали:

– Вот место, куда улетают ласточки, покинув детскую веранду моего дома!

Я отреагировал совершенно искренне и неожиданно для самого себя:

– Я тоже об этом подумал, когда их увидел – наваждение какое-то.

– В детстве я спал на веранде, а они кормили птенцов над моей головой, – улыбнулся янычар.

– И выманивали птенцов из гнезда, чтобы те опирались на крылья, падая... Учились летать.

– Раджеп – меня зовут, – он протянул руку. – Электромеханик и турок. А вы?

– Капитан. Валентин.

– О, простите, капитан, за фамильярность. Не повториться.

– Спасибо за сокровенное. Не каждый умеет делиться детством.

Он поклонился сдержанно.

– Вы говорите по-русски? Откуда? – Я действительно был удивлён.

– Мир бывает теснее семьи. Мама мне говорила, по-русски. Это у нас семейное.

– Это приятно.

– Приятно, что нас познакомили ласточки, – тихо сказал он. Я подумал, что он опять прав, и что такое знакомство бывает раз в жизни.

Теперь я был в его комнате и смотрел в ночное окно – комнату наполнили шорохи сонных крыльев или мокрых летающих листьев. Или это утих дождь, и сидела над окном ласточка?.. Я почти засыпал.

Но уснуть не пришлось. Ночной дождь – это кашляющий посторонний под вашими окнами – никому не даёт покоя. Где-то плакал ребёнок. Стало понятно, что кто-то болеет или что-то случилось. Хлопали дверцы автомобиля, и урчал беспокойно двигатель – Раджеп уезжал и возвращался. Я не считал возможным выйти из комнаты, чтобы не беспокоить излишне и ждал, что он обязательно зайдёт. Он и зашёл. Вид у него был встревоженный, а просьба – неожиданной.

– Вали, я вижу, что ты не спишь. Прости, что не говорю тебе всего. В доме беда – заболел ребёнок. Пришлось их вести в больницу. Отец тоже уехал, он врач. Дорога – сам знаешь, какая. Сейчас я уеду снова. У меня к тебе необычная просьба.

– Все, что смогу, Раджеп, говори – не стесняйся.

– Просьба необычная. Посиди с мамой. Она не совсем мама. У вас говорят – святая. Молящаяся. Немного – больная. С ней нельзя молчать. Просто поговори с ней. Она не будет тогда беспокоиться, если голос не будет останавливаться. Понимаешь?

Я хотел спросить о женщинах в доме, наверное, им было бы удобнее? Но он сам пояснил:

– Она привыкла, что голос мужской... Нет, ты не понял. Бог говорит голосом мужчины, а понимает – сердцем женщины. Так считают на Востоке. Так она слышит.

– Я понял. Не волнуйся. Если надо – я ей расскажу про всю мою жизнь, от печки, как у нас говорят.

Он улыбнулся.

– Спасибо. Пойдём...

Машина опять хлопнула двумя дверцами и отъехала. Ветер шумел ветками по крыше, и дождь лил потоками. Я подложил дров в железную печь, похожую на наши буржуйки, только всю в металлических звездочках и тюльпанах. Наверное, ей было лет двадцать, а может быть, больше. Или делали её в подарок к какой-нибудь свадьбе. Сквозь узкие щели мерцал алый огонь, который шипел, потрескивал или начинал вздыхать, как живой и усталый.

Мать лежала в своём кресле-качалке. Руки её держали моток шерсти и спицы. Ноги были укрыты разноцветным одеялом. Глаза были закрыты, но она не спала, время от времени ощупывая шерсть, одеяло и огромного серого кота, настороженно меня осматривающего. Я подумал, что этот кот умеет говорить и спрашивать. Я решил не ждать, и начал первым:

– Я помню, что когда просыпался, отца уже не было дома: он всегда уходил рано. Мама что-то готовила – я уходил в школу за четыре километра. У нас была большая и горячая печь. Отец её сам перекладывал и чистил, а мама – белила. Извёстка в ведре была синей и текла по маминым рукам, оставляя звёздные капли на крашеном полу. Мне нравился цвет извёстки. Мама всегда улыбалась, когда печь становилась голубоватой и сохла, светлея на фоне большой стены. Это было похоже на утренний свет в окно. Дрова лежали стопочкой на металлическом листе, перед дверцей, и на самой печи, за трубой – сохли. Когда печь разогревалась, и раскалялись до красна чугунные колечки на её прямоугольном поле, мама ставила кастрюли с водой и чайник. Чайник я любил больше всего. Чайник был друг. Мне казалось, что он говорит со мной или слушает, доброжелательно посапывая. А когда недоволен – он шипел струёй пара и даже свистел, возмущаясь. Тогда надо было за ним поухаживать: отодвинуть в сторонку или налить в заварник, чуток. Он это любил. Теперь таких чайников нет. Теперь – электрические. Не так давно я приехал с детьми в дом родителей. Мои отпрыски полезли на чердак и увидели старую посуду. – На металллом! – кричал восьмилетний сын. – Держите кастрюлю! – кричала дочь и бросила что-то ещё. Чайник упал носиком в песок и испачкался. У меня сердце от жалости сжалось. Он смотрел на меня с укором, а я не вмешался. Я был совершенно в другом измерении, в другом мире, в другом времени жизни. Мне и сейчас стыдно – я ушёл за угол,

будто предал мой чайник. Смешно? Не смешно. Мы все вырастаем из детства. Буду помнить, и помню, чайник смеялся мне охающим носиком и подливал в чашку кипяток. Было ещё темно, когда мама будила меня в школу. Я шёл к столу у пылающей печки. Пахло тестом, молоком и дровами с ароматом дыма. Она ставила передо мной горячие оладьи, и варенье – кизилковое или из тёрна... Мама была молодой и красивой. Кот лез мне под ноги и просил погладить. И было тепло-тепло в комнате. А над крышей качались сосны, дождь капал огромными каплями, падая вместе с иголками с веток и редкими шишками, подпрыгивающими и бегущими по траве в глубину ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.